

Василий Алфёров

У КУБАНЬ-РЕКИ

Записки краеведа

Василий Алфёров

У Кубань-реки

«Издательские решения»

Алфёров В.

У Кубань-реки / В. Алфёров — «Издательские решения»,

В этом сборнике представлены произведения из литературного наследия автора: повесть «Внук солдата», рассказы, а также очерки и заметки по краеведению и водному туризму.

Содержание

Барсуковский подвижник	7
Прекрасная жизнь	9
I. Литературное наследие	11
Внук солдата	11
Конец ознакомительного фрагмента.	39

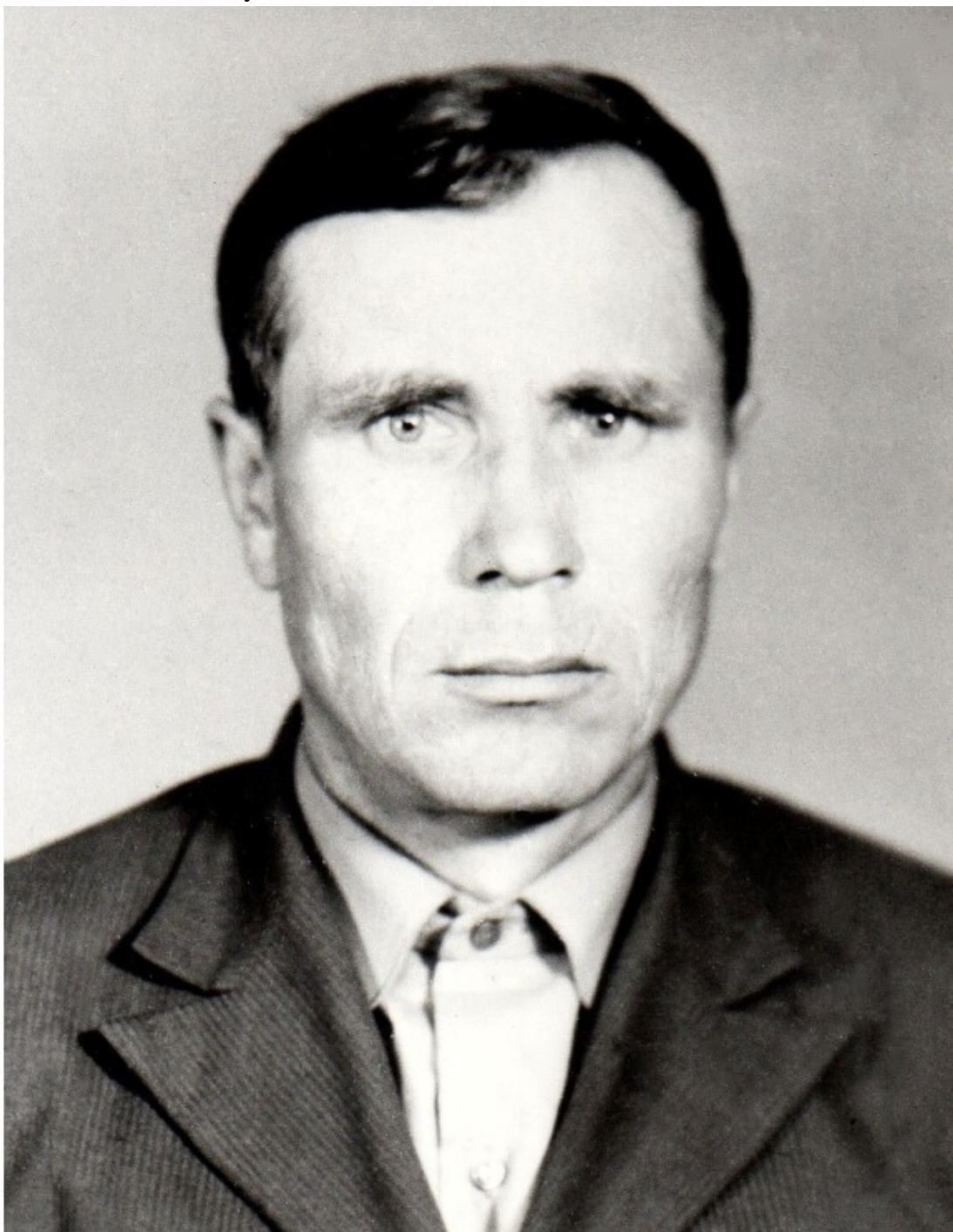
У Кубань-реки Записки краеведа Василий Алфёров

© Василий Алфёров, 2016

Редактор Егор Алфёров

Составитель Николай Алфёров

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Барсуковский подвижник

Автор этого сборника – Отличник народного просвещения, действительный член Географического общества СССР Василий Георгиевич Алфёров – был настоящим педагогом. От Бога.

Военное дело, география, краеведение, физическая культура, музейное дело, туризм водный и сухопутный, писательство – вот далеко не полный перечень сфер деятельности этого разностороннего, увлечённого и удивительно талантливого человека, около сорока лет проработавшего учителем в станице Барсуковской Ставропольского края Кочубеевского района.

Он никогда не считал себя профессиональным литератором. Вместе с тем, любовь к литературе, к творчеству всегда жила в нём и подвигала его на литературные опыты. Он автор повести для детей «Внук солдата» (в духе Гайдара) и неопубликованного киносценария «Родной сын», многочисленных публикаций в районной газете «Звезда Прикубанья» – краеведческих очерков по истории родного края и района, документальных зарисовок и дневников, в которых поведал о своих невероятно интересных путешествиях на плотах и байдарках, о людях, с которыми ему доводилось встречаться в этих туристских скитаниях.

Друзья Василия Георгиевича, ставропольские писатели, рецензировавшие приключенческую повесть «Внук солдата (Тайна прикубанского леса)», впервые публикуемую в этом сборнике, действительно называли его «ставропольским Гайдаром». Он дружил и переписывался со многими из них – с Ильёй Чумаком, Михаилом Усовым, Василием Росляковым, Тимофеем Шелухиным, встречался в Кисловодске со «ставропольским Шолоховым» Андреем Губиным, автором знаменитого романа «Молоко волчицы» и повести «Афина Паллада». Дружил и часто общался с краеведом и писателем Германом Беликовым, написавшим популярную некогда книгу для подростков «Мои друзья и зелёный рюкзак», а впоследствии автором интереснейших монографий по истории Ставропольского края.

В 1980-е годы консультировал киностудию фильма «Юнармия» режиссёра Юнникова на предмет поиска подходящих мест на Кубани для съёмок картины.

Немало барсуковский подвижник оставил нам и рассказов. В настоящий сборник, наряду с публицистическими очерками, включён рассказ «Из жизни Витьки Петрова», который кроме районной газеты «Звезда Прикубанья» был опубликован, уже после смерти автора, и в еженедельной региональной газете «Российский инвалид» (октябрь 1993 года), которая в 1990-е годы издавалась в городе Орле и распространялась в центральных областях России. «Ставропольская правда» напечатала юмористический рассказ «Новичок в хоре», рассказы «Секрет мощности», «Однополчанин» («Ради жизни на земле») и остальные опубликованы в газете «Звезда Прикубанья».

Во втором приложении к данному сборнику помещено стихотворное поздравление, приуроченное к 60-летию автора – «Василий Алфёров» (книга про отца), написанное в духе поэмы «Василий Тёркин» (книга про бойца) Александра Твардовского, любимого поэта Василия Георгиевича.

Василий Георгиевич умер в 1991 году. Но его до сих пор часто вспоминают родственники, друзья, знакомые, ученики. Знают о нём даже те, кто никогда не видел его, ведь человек известен прежде всего делами своими... В марте 2013 года ученица 10 класса Барсуковской средней школы Наталья Власова приняла участие и заняла первое место в районном конкурсе исследовательских работ в научно-практической конференции туристско-краеведческого движения «Отечество». Она же стала победителем и краевого конкурса и была направлена в Москву на Всероссийские краеведческие чтения движения «Отечество», которые проводились с 10-го по 15-е ноября 2013 года. Тема её исследования: «Василий Георгиевич Алфёров – краевед и турист».

Власова стала дипломантом этого конкурса, заняв 2-е место в номинации «Земляки». А руководитель её исследовательской работы, Валентина Васильевна Попова, была удостоена Грамоты министерства Науки и Образования Российской Федерации. Это исследование Натальи Власовой в сокращённом варианте опубликовано в первом приложении предлагаемого сборника.

Несколько слов о музее. Более 50-ти лет назад, в 1960 году, В. Г. Алфёров организовал в станице Барсуковской народный краеведческий музей, но в 1973 году дом, в котором он располагался, был продан. Уникальные экспонаты пришлось раздать по Красным уголкам района. Казалось бы доброе дело было навсегда похоронено... Но Алфёров не привык сдаваться и в начале 1980-х годов на базе Барсуковской средней школы он создаёт зал Боевой Славы. И вновь по крупицам собирает бесценный материал об участниках Великой Отечественной войны.

В 1991 году В. Г. Алфёрову было всего 64 года. Владимир Высоцкий в стихотворении, посвящённом памяти Василия Шукшина, писал: «Смерть самых лучших выбирает, выдёргивает по одному... Не поздоровилось ему: не буйствует и не скучает...»

У Василия Георгиевича нашёлся хороший преемник. Благодаря энтузиазму и усилиям учителя Барсуковской средней школы Валентины Васильевны Поповой, в 1995 году при школе создаётся «Казачья горница», послужившая базой для собирательской деятельности и в последствии – для открытия нового, теперь уже школьного, краеведческого музея «Наследие». В 2007 году открылись две первые комнаты-экспозиции, а в 2009 году – шесть. Валентина Васильевна Попова стала руководителем этого музея и достойным продолжателем дела, которому много лет посвятил Василий Георгиевич Алфёров.

Помнят, изучают опыт и чтят заслуги барсуковского подвижника и сегодня. В октябре 2015 года в Барсуковской средней школе состоялось заседание районного методического объединения учителей географии, на котором была представлена презентация «Василий Георгиевич Алфёров – географ, краевед и турист». А решением Совета депутатов Барсуковского сельсовета 5 созыва от 29 октября 2015 года Василию Георгиевичу Алфёрову было присвоено звание «Почётный гражданин Барсуковского сельсовета Кочубеевского района Ставропольского края».

Прекрасная жизнь Штрихи к портрету отца

*(газета «Звезда Прикубанья»,
3 февраля 1987 г.)*

Первого февраля исполнилось 60 лет краеведу и географу, преподавателю физкультуры и военного дела Барсуковской средней школы Василию Георгиевичу Алфёрову, человеку, которому я многим обязан в жизни.

Когда он был немного помоложе, друзья и просто посторонние люди находили его удивительно похожим на Василия Шукшина. Скуластое лицо, шукшинский взгляд, темперамент. Ему приятна была эта похожесть, потому что он по настоящему любил и любит Мастера и Художника Шукшина, так трудно, но прекрасно прожившего свою короткую и яркую жизнь. Отцу так и не довелось встретиться летом 1974 года в Москве с Василием Макаровичем. Писатель и актёр Шукшин уехал в то время на досъёмки фильма «Они сражались за Родину». Уехал и не вернулся. Но всё это время на книжной полке отца рядом с «Тихим Доном» Михаила Шолохова, томиком Константина Симонова и Александра Твардовского – сборники рассказов Шукшина. Эти книги – постоянные спутники жизни, нравственный ориентир, они определили жизненные и художнические пристрастия отца.

Духовность – главное, что получил в наследство от своих любимых писателей отец. Это богатство бесценное. Радость бытия, неукротимый оптимизм, неиссякаемый юмор и энергия, любовь к жизни и подвижничество – вот, пожалуй, определяющие черты характера моего отца.

Немало сил и энергии он отдал изучению истории станицы и родного района. Одна из первых его публикаций в районной газете «Звезда Прикубанья» так и называлась «Люби и знай свой район». Организовав в станице Барсуковской краеведческий музей, 15 лет он вместе с учениками, по крупицам, собирал экспонаты, доставал «по случаю» или с помощью станичников изготавливал манекены и облачал их в домотканые свитки, в шинели участников революции, собирал монеты, предметы домашнего обихода казаков, старое оружие, достал даже окаменевшую челюсть южного носорога и окаменевший позвонок дельфина. Жители станицы заинтересовались музеем и всем миром несли в него экспонаты. Из Москвы, вместе с подарками мне и маме и впечатлениями о поездке, он привозил что-нибудь и для музея: подаренные московскими коллегами старинные монеты и настоящие кирпичи из настоящей Кремлёвской стены. А из Ленинграда мы вместе привезли бивень южного слона, который распиливали ножовкой возле Исаакиевского собора (бивень не помещался в троллейбус).

Кому-то, возможно, всё это казалось чудачеством. Но те, кто давно знает моего отца, понимали, что собирательством он занимался не ради собственной славы, а для людей, и прежде всего для тех, кто только стоял на пороге самостоятельной жизни – для своих учеников. А когда, будучи в армии, я узнал, что совхоз за бесценку продал кому-то дом, в котором находился музей, не поверил, что в станице больше нет его главной достопримечательности.

Сотни километров отец исколесил со своими учениками по Ставрополью – пешими маршрутами и водными (на плотках по Невинномысскому, Право-Егорлыкскому и Лево-Егорлыкскому каналам, по Кубани и по Кубань-Калаусу). Судьба туриста и подвижника забрасывала его и в Сибирь, где он «сухим» выходил из аверкилей, когда вместе с другими туристами-водниками он сплавался на байдарках по Кантегиру. Отстав от отряда, он трое суток без пищи под проливным дождём блуждал по тайге километрах в 60-ти от тех мест, где много позже были обнаружены Лыковы. И не пропал, и не сломился.

Несколько лет отец возглавлял команду учителей района на краевых туристических соревнованиях. Почти ежегодно готовил юных туристов на районные слёты, а в 1970 году

барсуковские ребята вошли в сборную команду края, которая приняла участие во Всероссийском туристическом соревновании и даже заняла 8-е место из 78-и, обогнав команды Москвы и Ленинграда.

Странствия отца, его встречи с интересными людьми, размышления об увиденном и пережитом, нашли выражение в творчестве, которому он посвящает свободное время. Особое место в жизни отца занимает сотрудничество с районной газетой «Звезда Прикубанья».

Одним из наиболее ярких публицистических материалов, предложенных отцом для районки, был его дневник туриста-водника «По таёжной реке», посвящённый байдарочному походу по Кантегиру. Немало на страницах «Звезды Прикубанья» было напечатано и его рассказов. И вот практически готова рукопись повести для детей «Внук солдата». Эта повесть – итог многолетних жизненных наблюдений педагога, краеведа и географа. В ней соприкасаются друг с другом вымысел и реальность, память о войне и мысли о дне сегодняшнем. Лейтмотивом проходит тема любви к родному краю, родной природе.

Не верится, что отцу шестьдесят, что он больше не будет показывать мальчишкам на занятиях по физкультуре, как правильно делать «обрыв» и «солнце» на турнике, и не станет больше укладывать вещи в свой рюкзак, собираясь вместе с учениками на военные сборы. Кстати, военное дело – любимый школьный предмет отца. Семь лучших лет своей жизни он провёл в армии. Семнадцатилетним принимал участие в освобождении Китая от японских милитаристов. Затем служил на Дальнем Востоке. Есть что вспомнить и рассказать своим ученикам.

Время неумолимо мчит вперёд, но отец кажется молодым, каким был 23 года назад, когда сказал мне: «Вот, сын, я теперь, как твой дед Егор». А было моему деду 37 лет, когда он ушёл на фронт и остался только в памяти людской и именем на мраморной доске надзорненского мемориала.

Так уж получилось, что я живу в других краях. Часто бываю на берегу Оки и в её степенном равнинном течении невольно ищущу и не нахожу черты говорливой и беспокойной Кубани, и сердце сжимается в тоске по своей малой родине – Ставрополю, где живут дорогие моему сердцу родители, где корни памяти моей.

Н. Алфёров,

Старший редактор Орловского областного управления кинофикации

І. Литературное наследие

Внук солдата (Тайна прикубанского леса) Повесть для детей среднего школьного возраста

*Светлой памяти отца моего,
Алфёрова Георгия Дмитриевича,
посвящается.*

МИШКА, НАТАШКА, КОЛЯ И САШКА

Жили они в станице Прикубанской, на улице Мира. Учились в одной школе.

Всё, о чём дальше пойдёт рассказ, началось с того, что Мишка Звездинов полюбил Наташку Гуторову. Мишка учился в четвёртом классе, Наташка – в девятом и была у них отрядной пионервожатой. Мишкина любовь была совсем не такой, какой её показывают в телефильмах для взрослых. Он никогда не ходил с Наташкой в кино на вечерние сеансы, не вздыхал томно, сидя с нею на скамеечке при луне. Просто ему очень хотелось как можно чаще быть с нею рядом. И ещё больше хотелось нравиться ей. И если Наташка иногда хвалила его за что-то, Мишка чувствовал себя самым счастливым человеком на земле.

Каждое утро, собравшись в школу, Мишка садился у своей калитки на скамеечку и ждал, когда выйдет Наташка. Увидев её, он, будто случайно, оказывался рядом. Однажды Мишка робко попросил:

– Дай я понесу твой портфель.

Наташка рассмеялась.

– Ты его не донесёшь, он тяжёлый!

Большого унижения трудно было придумать. Швырнув свой портфель на землю, Мишка решительно нагнулся над большим камнем-валуном, лежавшим в полутора метрах от забора Наташкиного подворья, и решительно заявил:

– Хошь, я его сейчас выкачу на середину улицы? Хошь?

– Ну что ты, Миша, не надо! – с притворным испугом выпалила Наташка. – Я верю, что сможешь. Но пусть лучше он остаётся на месте. Папа положил его здесь нарочно. Чтобы трактористы и шофёры не проезжали близко у забора и не сломали молодые вишенки.

Сопровождал Мишка Наташку и тогда, когда она возвращалась из школы. Но вскоре у него появился опасный соперник – Наташкин одноклассник Санька Мокроусов. И самое обидное, ему-то Наташка с радостью доверяла носить свои учебники. Теперь Мишка сопровождал уже двоих. А Саньке почему-то не понравилось такое сопровождение. Однажды он, грубо толкнув Мишку в спину, сказал:

– Топай домой, малыш. Да побыстрей! Там тебе мамка, наверное, новую игрушку купила, ждёт не дожждётся сынульку. А ты плетёшься как черепаха.

Мишка лишь нервно подёрнул плечами и продолжал молча идти рядом. Тогда Санька отпустил ему увесистый подзатыльник. Мишка молча поднял слетевшую с головы лёгкую кепку с прозрачным козырьком, деловито отряхнул её от дорожной пыли, снова надел на голову и так же молча продолжал идти рядом с Наташкой. Разъярённый таким невиданным упрямством, Санька вдруг схватил Мишку обеими руками за горло, приподнял его и, яростно встряхнув худенькое Мишкино тело, прошипел сквозь зубы:

– Слушай, шпингалетик, если ты сейчас же не исчезнешь, я оторву тебе уши и скормлю их собакам!

Такой угрозы Мишка испугался. Испугался не потому, что ему будет больно, а потому, что без ушей он будет выглядеть некрасивым и никогда не сможет понравиться Наташке. Подождав, пока Санька и Наташка удалились от него шагов на тридцать, Мишка медленно пошёл следом.

– Саш, ну зачем ты так, – услышал он голос Наташки, – ведь он же совсем маленький!

Знала бы Наташка, что словами «совсем маленький» она обижает Мишку гораздо больше, чем Санька своим подзатыльником и угрозой оторвать уши. А ещё не знала Наташка и того, что это он тайком снял её фотографию со стенда «Отличники нашей школы». Мишка аккуратно завернул её в целлофан и спрятал дома в тайнике, на чердаке летней кухни. Каждый день, вернувшись из школы, Мишка, не заходя в дом, взбирался по приставной лестнице на чердак, доставал фотографию, долго любовался дорогими чертами Наташкиного лица, потом начинал страстно, с придыханием, целовать её. Однажды за этим занятием его застал отец, которому понадобилось что-то на чердаке.

– Что это у тебя? – спросил он, с трудом просовывая своё большое тело сквозь маленькую дверку во фронтоне.

– Это я... маме открытку приготовил... к восьмому марта, – нашёлся Мишка, пряча фотографию за спину.

– А на кой ты её нюхает?

– Там цветы нарисованы, – соврал Мишка, не моргнув глазом.

Отец насмешливо фыркнул:

– Ишь чего, придумал, ботаник! Нарисованные цветы не пахнут!

Теперь Мишка в школу и из школы сопровождал Саньку с Наташкой, идя за ними на почтительном расстоянии. Сколько раз его пылкое воображение рисовало картины рыцарского геройства одну ярче другой. Например, такую:

На Саньку с Наташкой нападают три, нет, пять здоровенных хулиганов. Санька бросает портфели с книгами и, с полными отчаяния и мольбы криками «Мама, ой мама!», со скоростью, завидной для чемпиона мира в беге на короткие дистанции, улепётывает домой. Наташка, конечно, храбро вступает в борьбу, но силы слишком неравные. И тут Мишка орлом налетает на обидчиков. Первого он валит с ног ударом в челюсть, второго бьёт ногой под дых, третьего бросает на землю через бедро, четвёртого сбивает классической подножкой, пятому болевым приёмом заламывает руки за спину и принуждает его стать на колени. В считанные мгновения все пятеро ползают у Мишкиных ног и слёзно просят:

– Миша, прости нас, пожалуйста, мы больше не будем...

Презрительно глядя на них сверху вниз, Мишка, указывая на Наташку, приказывает им:

– У неё просите, вы не меня оскорбили!

Наташка, конечно, великодушно прощает. Здоровенные оболтусы, в раболепном поклоне, прижав ладони к сердцу, пятятся от них задом. А Мишка, презрительно подфутболив Санькин портфель, взяв одной рукою Наташкин и свой, берёт под руку трепещущую, не отрывающую от него благодарного взгляда, Наташку и ведёт её домой...

Но время шло... Хулиганы не нападали. И Наташку в школу и из школы сопровождал по-прежнему не Мишка, а Санька.

И вот Мишка, на удивление всех мальчишек школы, записался в кружок кройки и шитья. Записался, разумеется, не потому, что ему захотелось овладеть всеми тонкостями портняжного искусства, а потому, что в этом кружке занималась Наташка.

Через три недели Мишка появился в спортивном зале в новеньких плавках и спортивных трусиках собственного пошива. В ожидании начала урока, девчонки уселись на скамейках вдоль стены. Посередине зала была дорожка из спортивных матов для кувырков.

– Ну, как формочка? – спросил Мишка своего соседа по парте и по дому Колю Стороженко. – Сам шил!

– Ништяк! – похвалил Коля и предложил: – Давай, кто дальше докувыркается.

– Давай, – согласился Мишка. Но едва он успел сделать несколько кувырков, как девчонки подняли такой визг, что можно было подумать, будто каждой из них сунули за пазуху по живой мышке.

Не понимая причины смеха, Мишка прекратил кувырки, отбежал к противоположной стене зала и смущённо сел на скамейку лицом к девчонкам. Девчонки захохотали и завизжали с удвоенной силой. Коля быстро подбежал к Мишке и, заслонив его собою от девчонок, быстро прошептал:

– Миш, ты больше не кувыркайся и не садись.

– Почему? – недоумевал Мишка.

– Понимаешь, у тебя всё-всё видно.

После такого конфуза Мишка больше не появлялся на занятиях кружка кройки и шитья. Но вскоре у него появилась новая возможность заниматься с Наташкой общим делом.

Классный руководитель четвёртого класса, учитель географии Бекетов Иван Алексеевич, предложил создать в станице краеведческий музей. Сельский Совет выделил под музей старый дом. Совхоз помог отремонтировать его, и работа закипела. Из старшеклассников был создан совет музея во главе с Санькой Мокроусовым. А вообще-то в создании музея принимали участие почти все школьники и жители станицы. Каждый, кто находил что-нибудь имеющее отношение к старине, тащил всё это в музей. Большую помощь в определении и сортировке экспонатов оказывал самый старый житель Прикубанской дедушка Гуреевич.

Мишке страстно хотелось найти что-нибудь такое, чтобы все ахнули от зависти. Он успел обойти уже полстаницы, собрал несколько старинных монет и цеп-комбайн – две палки различной длины, скрепленные между собой куском сыромятной воловьей кожи. Гуреевич похвалил его за «комбайн» и тут же показал, как им в старину обмолачивали снопы хлеба. Но всё это было не то. Когда Мишка учился ещё в первом классе, мама возила его в краевой музей, где больше всего его удивил скелет огромного Южного слона. Эх, найти бы такие костوماхи! И тут Мишка вспомнил, как прошлой зимой, катаясь на коньках по Кубани, он увидел торчащие из обрыва какие-то кости. Но чтобы добраться до них, нужно было или сверху отрыть яму глубиной примерно в пять метров, или же, когда замёрзнет Кубань, со льда приставлять к обрыву лестницу высотой в шесть-семь метров. Теперь, поразмыслив, Мишка решил добираться до костей сверху по верёвочной лестнице. Лестницу он сделал из капроновых шнуров и прочных свиновых прутьев. В субботу после уроков и весь воскресный день Мишка провисел на этой лестнице над пенящимся внизу потоком Кубани. Ему было очень страшно и неудобно в висающем положении долбить плотно слежавшуюся глину.

В понедельник вечером в музее Санька, Наташка и Гуреевич занимались разбором экспонатов. Они находились в дальней комнате, когда в прихожей хлопнула дверь и раздался глухой удар чего-то твёрдого об пол. Санька вышел в прихожую. Там стоял Мишка, вытирая кепкой пот с лица. Перед ним лежали два мешка, связанные между собою завязками. Примерно до одной четверти своего объёма мешки были наполнены какими-то крупными предметами.

– А-а, старый знакомый, – улыбнулся Санька. – С чем пожаловал на сей раз? Наверное, детали самодельного ткацкого станка где-то раздобыл.

– Сейчас увидишь! – загадочно улыбаясь, Мишка быстро развязал мешки и вытряхнул их содержимое на пол. – Вот, смотри.

Увидев пожелтевшие, густо облепленные комьями глины кости, Санька удивлённо посмотрел на Мишку.

– На какой свалке ты откопал этот махан и зачем притащил его сюда?

– Не на свалке, а в обрыве Кубани.

– Какая разница, где выкопал, – прервал его Санька.

– А такая разница, – повысил голос Мишка. – Ты видел в Ставрополе в музее скелет Южного слона?

– Ах, извините, Михаил Батькович, – с иронией воскликнул Санька, хлопнув перед собою ладонями, – я и не догадался, что это кости Южного слона. Только они что-то слишком мелковаты.

– Нет, – ответил Мишка, не замечая иронии, жил он тогда, когда и слоны здесь жили.

– А черепа там не видел? – уже серьёзно спросил Санька.

– Конечно будет и череп, – уверенно заявил Мишка, – там, знаешь, сколько много костей, только их трудно одному выкапывать.

– Интересно, интересно, – Санька достал из кармана складной пластмассовый метр и стал раскладывать кости по полу, примеряя их друг к дружке. – Кажется, ради этого стоит потрудиться.

– Дедушка, а это что такое, – послышался из соседней комнаты голос Наташки, – как его подписать?

Мишка быстро шмыгнул в ту комнату и остановился у порога, любуясь Наташкой.

– О-о, внучка, это такая старина, что и я её чуть-чуть помню, – сказал Гуреевич, беря из рук Наташки какую-то железную деталь, похожую на наконечник гигантского копья.

– Пиши так: «Наральник – металлический наконечник деревянной сохи». В те времена всякий хозяин, у кого соха была с наральником, считался богачом.

Быстро вошёл Санька и, потрясая перед собою длинной костью, радостно сообщил:

– Вы понимаете, какую находку сделал наш Михаил! Это кость из задней части скелета какого-то, может быть еще неизвестного науке доисторического животного. По моим подсчетам, в задней части оно имело высоту около полутора метра.

– В таких делах я вам не советчик, – улыбнулся Гуреевич, – тут надо обращаться к археологам.

– Завтра же организую старшеклассников, – продолжал Санька, – откопаем остальные кости, восстановим скелет и, по праву первооткрывателей, по месту находки, назовем его Кубанозавром. Представляете: наш маленький еще не открывшийся музей, станет хранителем, может быть, единственного в мире скелета.

Наташка поцеловала Мишку в лоб, затем, прижимая одной рукой его голову к своей груди, а другую взлохмачивая рыжую Мишкину шевелюру, прошептала:

– Какой ты молодец, Мишулька! Истинный первооткрыватель он, – продолжала Наташка, обращаясь к Саньке. – Ему и принадлежит право, как назвать это животное.

Мишка чувствовал себя на седьмом небе от счастья! Он тут же подумал, что если и вправду ему предложат назвать это животное, он обязательно назовет его в честь Наташки Натозавром.

Но недолго продолжалось Мишкино счастье. И разрушил его Гуреевич.

– Так где ты, говоришь, выкопал эти кости? – спросил он Мишку.

– А там, в обрыве Кубани, – сказал Мишка, указывая рукою направление.

– Как же ты туда добрался, – продолжал допытываться Гуреевич. – На лодке или вплавь?

– Нет, я не плавал. Это на нашей стороне.

– Позволь, – удивился Гуреевич, – на нашем правом берегу Кубани до самой станицы Григорополисской не встретишь ни одного обрыва.

– Нет, есть, – настаивал Мишка. – Вот здесь сразу за Бешеной протокой. Только он не длинный, но зато высоко-окий!

– Хоперский курган! – вспомнил Гуреевич. – неужели уже до него Кубань добралась? Там, конечно, можно набрать костей целый вагон.

– А почему вы знаете, что там много костей, – спросил Мишка, предчувствуя что-то недоброе.

– Знаю потому, что мы сами их там зарывали. Понимаете, в первые годы коллективизации на лошадей напал Африканский сап. Это такая болезнь, которая не поддается никакому лечению. Единственное средство борьбы с нею заключалось тогда в том, что заболевших лошадей пристреливали и поглубже закапывали. А на Хоперском кургане до этого была вырыта глубокая яма для закладки силоса. Вот в эту яму и решили закопать всех заболевших лошадей. Кое-кто тогда возражал, мол, нельзя зарывать близко к Кубани: подмоет курган и разнесет заразу вниз по течению. И вот выходит, что зря не послушались тогда их совета.

И тут Санька, который всего минуту назад восхищался Мишкиной находкой, как хирург перед операцией, держа перед собою руки, попросил Наташку:

– Сбегай, пожалуйста, в ветлечебницу попроси креалину. Мне надо продезинфицировать руки да и пол тоже. А ты, археолог, – сказал он с ненавистью глядя на Мишку, – собери все свои экспонаты, отнеси в баню, сожги их вместе с мешком в котельной и приходи сюда драить пол.

СТРАШНАЯ НАХОДКА

В конце октября, в субботу, после уроков, четвероклассники по просьбе Прикубанского лесничества, выехали в лес собирать желуди. Вместе с ними поехали Наташка и Санька Мокроусов. Наташка поехала как отрядная жоатая, а Саньку Иван Алексеевич, недавно приехавший в станицу, попросил поехать с классом потому, что он хорошо знал местный лес. Ехали они на грузовой машине, оборудованной для перевозки людей. Саньку Иван Алексеевич попросил сесть в кабину, чтобы показывал шоферу дорогу, а сам он и Наташка сели на последнюю скамейку у противоположных бортов. Мишка, оттолкнув девчонок, уселся рядом с Наташкой будто для того, чтобы сообщить ей новость:

– А мы вчера играли в футбол с пятиклашками и наклепали им одиннадцать-десять, – похвалился он.

– Молодцы! – засмеялась Наташка и ласково похлопала его по спине.

До Волчьего гая, где, по словам Саньки, желудей столько, что их можно грести лопатой, ехать нужно было около десяти километров. Дорога шла по-над лесом, вниз по течению Кубани, в сторону Казачьего хутора, где жила Мишкина бабушка. Мишка не раз ходил по этой дороге с отцом к бабушке. Дома он договорился, что после окончания работы пойдет к бабушке, а в воскресенье на автобусе приедет домой. От Волчьего гая до Казачьего оставалось пройти около восьми километров, а там уж дорога шла через лес.

Октябрь в том году выдался необычным. В середине месяца вдруг резко похолодало. Ртутный столбик термометра опустился до минус десяти градусов. Но через несколько дней снова наступили теплые погожие дни. Не успевшие побуреть листья деревьев, убитые морозом, толстым зеленым ковром устилали землю. И казалось, что это не осень, а ранняя весна, когда деревья еще не успели покрыться листвой, а травы подлеска уже готовились вступить в стадию цветения.

Иван Алексеевич установил норму: каждому нужно было собрать по ведру желудей. Для учета он оставил в кузове машины Женю Мухину, вручив ей список класса и карандаш. Ребята быстро разбрелись по лесу. Отовсюду слышался веселый гомон, шуршание разгребаемых листьев и дробный стук желудей о ведра.

Мишка с Колей побежали в сторону Кубани. Метрах в пятидесяти от машины дорогу им преградила высохшая протока. Коля в нерешительности остановился на берегу, опершись плечом о ствол могучего дуба. Мишка, балансируя широко расставленными в стороны руками, стал спускаться вниз по крутому склону. Но, поскользнувшись на сухих листьях, упал и съехал к подножию склона на животе. Потом встал на колени и стал поспешно разгребать вокруг себя

листья. И Коля вдруг увидев, что Мишка сидит на ворохе крупных, сверкающих отполированной поверхностью желудей, быстро скатился вниз и стал помогать Мишке разгребать листья. Вскоре обнажился невысокий буртик из желудей, протянувшийся вдоль подножья склона. Вначале друзья подумали, что кто-то собрал желуди в кучу и, не в силах унести все сразу, до поры до времени прикрыл их листьями. Но осмотревшись, поняли, что желуди, опадая с могучего дуба на крутой склон берега, сами скатывались вниз.

Через десять минут Миша и Коля уже появились у машины с ведрами, доверху наполненными отборными желудями.

– Так быстро! – удивилась Женя, ставя карандашом палочки напротив фамилии Звездинов и Стороженко. А я-то думала, что мне долго придется здесь скучать одной.

– Порядок, – сказал Мишка, – сейчас скажу Ивану Алексеевичу, что задание выполнил, и пойду к бабушке в Казачий. А ты, Коля, мое ведро домой занеси.

– Рано еще идти, – возразил Коля. – Солнце смотри как высоко. Давайте лучше сыграем в прятки.

– Давайте! – с радостью согласилась Женя. – Я так давно не играла в прятки, да еще и в лесу.

«Домом» для игры облюбовали ствол того дуба, под которым они собирали желуди. Показались на длинной сухой палке. Первому водить досталось Коле. Закрыв ладонями глаза и прислонившись лбом к стволу дуба, он начал медленно считать: раз, два, три... Мишка вначале спрятался за невысоким кустом бирючины, густо оплетенным уже высохшими побегами ежевики. Раздвинув ветки куста, Мишка увидел неглубокую яму, заплетенную сверху ежевикой, прикрытую толстым слоем листьев. Он юркнул в яму, прополз несколько метров и оказался в... землянке. Все в ней было оплетено паутиной и сильно пахло плесенью. «Ни за что не найдут! Это будет моим тайником», – подумал он и затаился.

Досчитав да ста, Коля громко выкрикнул: «Пора не пора, выхожу со двора» и, отойдя на несколько шагов от дуба, заметил выглядывающий из-за ствола дерева белый капроновый бантик. Коля подбежал к дубу и, хлопая по нему ладонью, закричал: «Стук за Женю! Стук за Женю!». Мишку Коля искал долго. Потом ему помогла Женя.

– Миша, выходи, – наконец громко объявила Женя, – я согласна водить. Иначе не будем играть.

Мишка вышел, но вышел так, чтобы ни Женя, ни Коля не заметили его тайника.

Теперь и Коля решил спрятаться так, чтобы его не смогли найти. Как только Женя начала считать, он спрыгнул в протоку и побежал по сухому руслу вправо. Сначала он хотел укрыться на острове, там, куда убежал Мишка, но заметив в обрывчике на повороте протоки что-то вроде небольшого грота, побежал туда. Верхний слой почвы, густо переплетенный мелкими корнями деревьев и травы, свисал вниз, как полог, и закрывал половину невысокого обрыва. «Пусть поищут», – подумал Коля и с трудом протиснулся между обрывом и нависшим пластом дерна. Коля слышал, что Мишка уже вышел, и знал, что теперь Женя будет искать только его. Он стал устраиваться поудобнее. Что-то твердое давило ему в бок. Коля подумал, что это ком земли и попытался его отбросить в сторону. Ком оказался гладким и неподатливым. Несколько мгновений, оцепенев от ужаса, Коля оставался неподвижным – пустой глазницей на него смотрел человеческий череп...

Увидев мчащегося во весь дух Колю, Женя подбежала к дубу и, шлепая по стволу обеими руками, радостно заверещала: «Стук за Колю! Стук за Колю!». Подбежав к ребятам, Коля остановился и, прерывисто дыша, с полминуты стоял молча, вытянув руку в том направлении, откуда он только что прибежал.

– Там лежит мертвый человек! – заикаясь сказал он наконец.

– Может, он спит? – спросил Миша.

– Нет. Он совсем-совсем мертвый, только кости остались!

Весть о страшной находке быстро разнеслась среди работавших в лесу. Вскоре у обрыва с нависшим дерном собрались почти все одноклассники. Не было только Ивана Алексеевича и нескольких девочек. За ними побежали.

Ребята стояли полукольцом внизу и молча наблюдали, как Санька перочинным ножом осторожно обрезал пласт дерна, который, разломившись на куски, скатился вниз. Увидев то, что было скрыто под нависшим дерном, девочки вскрикнули и попятились назад. Из сизого песчаного грунта выступала половина человеческого черепа, а немного сзади и ниже виднелись желтые дужки ребер. Ниже ребер – большой камень-голыш. Позади них виднелся небольшой, величиною с мужской кулак, слепок неопределенной формы. Санька стал колупать его ножиком. Очистив находку от глины, он показал ребятам бляху от немецкого солдатского пояса.

Подошел Иван Алексеевич и, остановившись позади остальных, стал молча осматривать обрыв.

– Смотрите, – сказал Санька, рассматривая бляху. – Это немецкая.

Значит, это был фашист. Он, наверное, сидел в окопе, к нему сзади подкрались партизаны и стукнули его вот этой каменюкой. Это точно! Смотрите: у него на затылке вмятина на черепе.

Раздвинув плотное кольцо ребят, Иван Алексеевич подошел к Саньке, осмотрел бляху, затем треугольной формы вмятину...

– По-моему, удар был нанесен прикладом винтовки или автомата, – тихо сказал он. – А камень... Камень совсем для другого.

Учитель взял у Саньки ножичек и стал осторожно копать землю под камнем. Как удивились ребята, когда именно из-под камня Иван Алексеевич достал металлические пуговицы от немецкого мундира и г-образный кусок ржавчины – остаток пистолета системы «ТТ».

– Почему они оказались под камнем? – недоуменно спросил Санька.

– На это вопрос не трудно ответить, – сказал учитель, заворачивая пистолет в носовой платок, – если экспертизе удастся прочесть номер оружия, тогда мы, может быть, узнаем и его владельца. А пока можно только предположить, что человек этот был одет в немецкий мундир, что в нагрудном кармане у него был советский пистолет. Кто-то сзади ударил его тяжелым предметом по голове, положил ему за пазуху вот этот камень и бросил в воду. Река постепенно покрывала труп песком, глиной... А теперь вот снова вскрыла свое захоронение.

– Но ведь дно протоки гораздо ниже, – усомнился Санька.

– Сейчас ниже, – согласился Иван Алексеевич. – Нет, Саша, труп лежал на дне. Ведь прошло больше тридцати лет после того, когда это могло случиться. За это время река успела значительно углубить свое русло. Ведь тогда еще не было ни Невинномысского канала, ни большого Ставропольского. Воды в Кубани было гораздо больше, и ее протоки не пересыхали и зимой. А сейчас, ребята, давайте устроим у обрыва завал из валежника и засыплем все землей, чтобы сохранилось так, как есть, и попробуем опросить старожиллов. Может быть, кто-то знает про эту историю.

Встревоженные и молчаливые продолжали ребята работу. Теперь они старались держаться группами, и что-то странное до этого никогда не испытываемое, страшное и тревожное окутало каждого. Они впервые так близко соприкоснулись с героическим прошлым, впервые поняли его трагизм и жестокость.

РАССКАЗ ФРОНТОВИКА

К вечеру в Волчий гай приехал старший лесничий Казачьего лесничества. Это был пожилой грузный человек, одетый в темную форму с изображением дубовых листьев в петлицах и на околыше фуражки. Приехал он на паре упитанных лошадей, запряженных в настоящую конармейскую тачанку. Старая, выдавшая виды тачанка была покрыта зеленой краской, а сзади на спинке ярко выделялась большая красная звезда. На козлах лихо восседал такой же пожи-

лой сухощавый мужчина с рыжими ершистыми усами. Одет кучер был в старый армейский китель и диагональные галифе, заправленные в легкие хромовые сапоги. На затылке у него чудом держалась шапка-кубанка с малиновым верхом и белыми шелковыми галунами.

– Привет юным труженикам! – бодро поздоровался лесничий. – Ну как тут у вас дела?

Он пружинисто по-молодому спрыгнул с тачанки, подошел к машине, встал на подножку кабины и заглянул в кузов.

– О-о, да вы молодчики! – подхватил он. – Вижу, что зря времени не теряли. Молодцы!

Лесничего звали Иваном Аксеновичем, а кучера Семеном Тихоновичем, так они представились Ивану Алексеевичу, поздоровавшись с ним за руку.

Ребята наперебой стали рассказывать им о страшной находке, надеясь узнать от них разгадку этой тайны войны. Но приехавшим об этом было ничего не известно. Лесничий поселился в Казачьем уже после войны, а кучер во время войны был на фронте. Ему пришлось отступать и наступать по этим местам, но о событиях, разыгравшихся в Волчьем гае, он ничего не знал. Попытка выпросить у них тачанку для музея тоже не увенчалась успехом. Иван Аксенович всю Гражданскую и Великую Отечественную войны провоевал в кавалерии на пулеметных тачанках, и с тех пор он не признавал и не хотел признавать никакой другой вид транспорта. Ребята продолжали осаждать его. Больше всех старался Санька Мокроусов.

– Ну хоть обещайте подарить её нам, когда уйдете на пенсию, – умоляюще попросил он.

– Я уже давно пенсионер, – улыбнулся Иван Аксенович. —Самое многое, что могу обещать вам – подарить, когда перестану работать. Думаю, что тот, кто будет работать на моём месте, не станет возражать. Ведь для неё сейчас ни рессор, ни колес не достанешь, все изготавливаем сами с Тихоновичем.

Мишке повезло. Жёлуди, оказывается нужно было везти в хутор Казачий в лесничество. Лесничий сел с шофером в кабину, чтобы показывать дорогу. На обратном пути машина должна была забрать ребят и отвезти в Прикубанскую. Мишка хотел было попроситься подъехать до хутора на машине, но Тихонович предложил ему ехать с ним на тачанке. Надо ли говорить о том, что Мишка с радостью принял такое предложение. Под завистливые взгляды одноклассников он уселся на козлы рядом с кучером и робко попросил:

– Можно я буду править лошадьми, хоть до того поворота? —Пожалуйста, хоть всю дорогу, – сказал Тихонович, передавая ему вожжи.

Перед отъездом Коля крикнул Мишке:

– Смотри не забудь про это, – указательным пальцем правой руки он сделал несколько движений, будто нажимая на спусковой крючок.

Мишка согласно кивнул головой. Он понял, что Коля просит его не забыть поискать на чердаке в бабушкиной хате старое оружие.

Взбрасывая передними копытами фонтанчики сухих зеленых листьев, лошади быстро катили легкую тачанку по извилистой лесной дороге. Мишка уже знал их клички. Впряженный слева, золотисто-рыжий мерин – Орлик. Справа, темно-гнедой с широкой белой лысиной по всему храпу – Гром. Управлять ими оказалось совсем просто. Нужно было только держать вожжи и все. Там, где дорога раздваивалась, Гром и Орлик настораживали уши и косили одним глазом назад, как бы спрашивая: «Куда?» Стоило лишь слегка потянуть за одну вожжу, как они послушно сворачивали в нужном направлении.

Мишке очень хотелось попросить Тихоновича рассказать о войне, но он не знал, с чего начать.

– Это у вас военные штаны? – спросил он, указывая взглядом на галифе.

– Самые настоящие военные, – улыбнулся Тихонович.

– Вы в них воевали?

– Нет, это меня сын снабжает своими обносками. Он у меня офицер, знает, что я люблю носить военную одежду. А ты к кому едешь?

– К бабушке Дарье.

– К Звездиновой, что ли?

Мишка утвердительно кивнул головой.

– Тебя как зовут? – спросил Тихонович.

– Мишка.

– Значит, ты внук Андрея Звездинова.

– Вы знали моего дедушку?! – удивился Мишка.

– Еще бы не знать. Мы с ним до войны двенадцать лет вместе проработали в колхозной кузнице. Хороший был парень! Так и не знаете, где он погиб?

– Папа говорит, что он считается без вести пропавшим.

– Да-а, много народу пропало за эту войну, – вздохнул Тихонович. – Двадцать миллионов! Представляешь, Миша, Если бы все погибшие взялись за руки и вытянулись в цепочку, то они, пожалуй, смогли бы всю Землю обхватить.

В это время они подъехали к неглубокому оврагу с пологими, поросшими мелким кустарником, склонами. По дну оврага, пересекая дорогу, протекает небольшой ручей. В нем Тихонович напоил лошадей.

– Расскажите про войну, – попросил Мишка, когда они стали подниматься на противоположный склон оврага. – Хоть что-нибудь, только чтобы интересное.

– Интересного, хлопчик, в войне было мало, – Тихонович положил мозолистую ладонь на Мишкину голову и слегка потеревил его густой рыжий чуб. – В ней больше было страшного. Война явилась хорошей проверкой для людей. В ней, как в мутной воде, всплыл на поверхность весь мусор человечества: старосты, полицаи и прочая мерзость. Встретился и на моем военном пути такой подлец.

Тихонович замолчал, видимо ему неприятно было вспоминать о чем-то нехорошем.

– Он был фашист? – спросил Мишка, чтобы возобновить разговор.

– Хуже! Немцы ведь тоже не все были фашисты, не все добровольно шли на войну. Этот был русский. Больше того – земляк из нашего хутора. Шатохин Иван. Мать его и сейчас живет в хуторе, недалеко от твоей бабушки.

Мишка знал старую-престарую бабку Шатошиху. Он утвердительно кивнул головой.

– Вот её сын, – продолжал Тихонович. – Летом 1942 года, под Батайском, в наш полк пришло молодое пополнение. Иван попал в нашу роту. Как я обрадовался земляку! Был я в то время пулеметчиком станкового пулемета «Максим». Напарник мой, хороший парень с Урала, погиб как раз перед прибытием пополнения. Я попросил, чтобы вторым номером ко мне назначили Ивана. Уважили мою просьбу. Молодые, все горячие ребята, рвались в бой напролом, во весь рост. Ну и многие, конечно, гибли зазря. Ивана я, как мог, берег. Ведь как-никак к тому времени я уже год отпахал на войне без выпрягу. Успел набраться кое-какого опыта. По звуку мог определить, какой mine поклониться, а какой не стоит. В августе отступали мы по правому берегу Кубани. Наша рота шла в арьергарде полка. То есть мы прикрывали отступление. Помню, подходили уже к нашему Казачьему хутору. Иван говорил: «Смотри, вон видна Шаповалова хата, Варавина, Коломейцева...» У меня у самого сердца готово было из груди выскочить. Очень хотелось на родных хоть одним глазом взглянуть. А немец нам на пятки наступает. Тут ротный команду дает: «Свернуть вправо, в лес. Занять оборону на опушке». – «Правильно решил ротный. Если бы мы заняли оборону на окраине хутора, из-за нас пострадали бы мирные жители, а немцев бы мы все равно не остановили. Нас в роте оставалось человек пятьдесят, а их – тьма-тьмушая. Видим, передние мотоциклы и машины с солдатами свернули к лесу и прут прямо на нас, дали по ним несколько залпов всей ротой. Мы с Иваном разрядили полностью одну ленту. Немцы поняли, что с ходу нас не взять. Повернули назад, спешились и начали окапываться. А нам только этого и надо было. Пульнули по ним еще несколько раз для острстки и отошли в глубь леса. Командир наш принял решение переправиться через

Кубань ниже хутора. До нее надо было идти по лесу еще километра два. Нас с Иваном ротный оставил для прикрытия».

– А почему именно вас? – спросил Мишка. – Вы, наверное, были самые храбрые?

– Да потому, что к тому времени в роте остался только один наш командир. Он так и сказал: «Местность тебе, Колосов, хорошо знакома, рубеж выбирай сам. Постарайтесь задержать их как можно дольше. Оставайтесь живы, догоняйте нас за Кубанью. Мы будем отходить в направлении села Рождественского».

Место для обороны выбрали подходящее: у пересечения долевой просеки с поперечной. Наспех выкопали окоп с круговым спектром обстрела, Изготовились и стали ждать. А в душе, будто кошки скребут. Целый год воевал, в каких только переплетах ни бывал, а погибнуть придется в километре от родного дома.

Тут Иван говорит мне: «Давай, дядя Сеня, – он всегда меня так называл, – сдадимся немцам вместе с пулеметом, может, они нас не убьют». – «Ванюшка, говорю ему, милый, что ты надумал! Нас-то может и не убьют, а что будет с нашей ротой? Они же их догонят и всех перестреляют, как фазанов. Посмотрел я на него, он весь трясется и бледный как стена. Жаль мне стало парня. Я-то, думаю, уже пожил на белом свете, мне умирать легче. Знаешь что, говорю, Ваня, я и сам тут управлюсь, а ты беги-ка в хутор, пока там немцев нет, повидеешься с родными, моим поклон передашь и скажи им, чтобы завтра, как все утихнет, пришли сюда с лопатой. Помню, он еще спросил: «А зачем с лопатой?» – Чтобы похоронить меня могли, говорю, по-человечески. На заходе солнца приходи к мостику, что на Отмытом острове. Останусь жив – там и встретимся. А не будет меня, сам догоняй наших. Забрал я у него две гранаты и он помчался к хутору так, что только кусты затрещали.

– Ну, а дальше, дальше что было? – нетерпеливо спросил Мишка.

– А дальше ничего особенного и не было. Немцы подтянули миномёты, артиллерию и с полчаса так обрабатывали опушку, что только щепки летели. Потом всё стихло. Я подождал немного – не идут. Пробрался осторожно к опушке, осмотрелся – никого нет. По дороге, что проходит в полукилometре от леса, сплошным потоком движутся в направлении хутора танки, машины, мотоциклы. Побоялись фрицы в лес соваться. Вот потому я и думаю, что тот человек, кости которого вы нашли в лесу, был не немец. Немцы боялись леса, как чёрт ладана.

– Но ведь на нём же была немецкая одежда. Это мы точно установили.

– Одежда ещё ни о чём не говорит. Приходилось и нам шеголять в немецком одеянии.

– Расскажите! – торопил Мишка, нетерпеливо ёрзая на козлах.

– погоди, давай по порядку. Разрядил я тогда пулемёт и потащил его к установленному месту встречи. Иван уже был там. В хутор он не пошёл, побоялся немцев (там уже утюжил улицы немецкий танк-разведчик). Стали мы с Иваном вязать плот из сухих валежин. Провозились с ним до самой темноты. Погрузили пулемёт, разделись и только отчалили, как услышали на той стороне урчание машин, треск мотоциклов и немецкую речь. Пришлось менять план. Я решил, что догонять своих нам сподручнее по нашему правому, поросшему лесом берегу. По лесу с пулемётом нам не пробраться. Смазали мы его оставшейся смазкой. Выкопали ямку в приметном месте, опустили его туда, укрыли сеном и закопали. Перед дальней дорогой решили поспать с часок под копною сена. У меня оставался сухарь из «НЗ». Разломил его на две части. Большую отдал Ивану. Пожевали, и я сразу заснул... и так крепко заснул, что слышу, как разговаривают люди. Говорят совсем рядом со мною, а я не могу проснуться. Наконец, с трудом открыл глаза. Надо мною колышутся зелёные ветки. Попробовал встать – не могу. Голова тяжёлая, будто свинцом налита. Ощупал голову – забинтована. Губы распухли и во рту солоноватый привкус. Пошевелил языком – нет переднего зуба, на котором была золотая коронка. Потихоньку повернул голову в ту сторону, откуда слышался разговор. Вижу, сидят на траве пятеро наших русских бойцов с винтовками и о чём-то совещаются. Прислушался. Говорил старшой, старшина по званию: «Здесь, ребята, переднем, а вечером надо сходить

в село, расспросить у жителей, как, каким путём нам лучше пробраться к своим». Пока старшина говорил, я осмотрелся и узнал хорошо знакомое мне место. Сидели они у брода через Горелую протоку. До войны это было моё любимое место для рыбалки. Значит, мы находились в двух километрах выше хутора по течению Кубани.

– Где Ванюшка? – спрашиваю, – и почему это я ложился спать на Отмытом острове, а оказался в пяти километрах от него – у Горелой протоки?

– Хлопцы, кажется ожил наш покойник! – они, как по команде, вскочили и подбежали ко мне.

– Он, наверно, из местных, – сказал кто-то, – знает все названия.

– Бредит парень, – сказал другой.

– Брежу! – я рывком приподнялся и сел. Голову будто штыком пронзило, но сознания не потерял. – Да я на этом месте столько переловил сомов и усачей. . . Не верите? Покопайтесь вон под тем пнем, там должна быть стеклянная банка для червей.

Проверили. Баночка оказалась на месте.

– Ну, братишка, теперь мы тебя ни за что не оставим, – сказал старшой, – мы о таком проводнике и не мечтали. Только вот не понятно, как это ты, местный житель, при полной военной форме, валялся под копною, весь в крови, как поросенок недорезанный?

Рассказал я им кратко о себе, кто я такой, где и как воевал до того момента, как легли с Иваном спать под копною. Потом они рассказали о себе. Они, оказывается, тоже прикрывали отход своих, только на том на левом берегу. Было их десять человек. Когда кончились патроны и немцы прижали их к реке, старшина дал команду переправляться вплавь на правый берег, в лес. Уцелевшие пять человек и набрели случайно на ту копну сена, под которой я лежал с разбитой головой. Все решили, что нас спящих обнаружили немцы и меня сонного пристукнули, а Ивана взяли в плен. Не поверил я тогда в такое предположение, но промолчал.

– А патроны у вас остались? – спросил старшина.

– Три полных ленты, – отвечаю, – и закопаны там же вместе с пулеметом.

– Ты сможешь показать нам то место? И учти, туда мы сможем пройти только ночью.

– Найду, – говорю, – хоть с завязанными глазами.

Принесли они меня с Отмытого острова на самодельных носилках. На них же думали и дальше тащить. Но к вечеру я уже и сам мог ходить. Старшина тогда и говорит: «Раз у нас теперь все ходячие, то мы и пулемет прихватим с собою. С пулеметом мы – сила! Если что, можем и с боем прорваться к своим».

Яма оказалась раскопанной и пулемета в ней не было. Мои новые друзья решили, что Иван не выдержал пыток, выдал немцам пулемет. Но я уже не сомневался в том, что все это Иванова работа. Ребятам пока не говорил, чтобы не расстраивать их зря. Вспомнил я, как он предлагал мне сдать немцам с пулеметом. Тогда я не придавал его словам значения, думал, что с перепугу парень говорит и сам не знает, что. Вспомнил и то, как он не раз спрашивал меня, дорого ли стоит золотая коронка и что на нее можно купить.

Но все же не зря мы тогда сходили на Отмытый. В пустой яме я нашел одну коробку с пулеметной лентой. Так что на первый случай патроны у нас были.

Отпросился я тогда у старшины сходить домой повидаться со своими и заодно разведать, как там и что. Пошли мы вдвоем с одним пареньком-украинцем. Жена, конечно, не обрадовалась, а напугалась той моей краткосрочной побывке. Детей сонных поцеловал, будить не стали: они могли по своей детской наивности рассказать всем, что папка, мол, ночью приходил. И тогда, случись какая заварушка, их первых бы взяли заложниками.

Жена сказала нам, что немцев в хуторе всего-навсего две подводы по три человека на каждой, да и те не военные, а бывшие немецкие колонисты-помещики, бежавшие в Германию после революции. Теперь они едут в свои имения господствовать. С вечера, как прие-

хали, сразу пошли по хутору вербовать себе добровольцев-батраков. Райскую жизнь сулили. Да только никто не позарился на ихние посулы.

Рассказали мы про все это старшине. Он башковитый был парень. По-немецки мог калякать. И вот он решил устроить засаду на этих колонистов. Прикончили мы их подалее от хутора, в Кутине. Помнишь, где мы лошадей поили? Вот в овраге мы их и закопали. А сами потом в ихней одежде, с ихними документами и на ихних подводах без особых приключений догнали своих уже в Черкесии.

Дорога по просеке вышла на опушку леса, и вблизи показался хутор. Почувяв скорый отдых, лошади сами побежали размашистой рысью.

– Дедушка, я так и не понял: вас тогда в лесу немцы хотели убить или Иван? – спросил Мишка, передавая вожжи Тихоновичу.

– Конечно Иван.

– А за что?

– Вот об этом-то и я хотел бы его спросить. Хотел я с ним рассчитаться в ту ночь, когда заходил в хутор. Зашли мы на ихнее Шатохинское подворье. Я остался во дворе, а Сашку-украинца послал а хату. Не хотел, чтобы меня Шатошиха узнала. Сашка обыскал всю хату, подвал, сараи, но ни Ивана, ни пулемета не нашел.

– А может быть, его и вправду тогда немцы убили в лесу?

– В том-то и дело, что не убили. При немцах он тут полицаем был. Скольких людей своих пропредал! А как мы стали наступать, ушел с немцами. Вот такие-то дела, внучек, творились здесь во время войны.

Солнце уже низко висело над горизонтом. Навстречу стороною прошла Мишкина бабушка с какою-то старухой. Мишка догадался, что бабушка пошла встречать корову из стада. Он даже не окликнул ее. Ему хотелось скорее попасть на чердак, где – он твердо был убежден в этом – обязательно найдет какое-нибудь оружие. Или узнает какие-то подробности о судьбе дедушки. Может быть, сохранились его письма с войны, или фотографии, или документы. Ведь прежде, чем пропасть без вести, он два года воевал и за это время, может быть, успел совершить немало подвигов. И тогда бы Мишка принес его фотографию в школу и ее поместили бы в том отделе, где написано: «Они погибли за Родину». В тайне Мишка надеялся, что дедушка его был не простым солдатом, а может быть даже старшиной – такое звание Мишка считал несколько не меньше майорского. Он даже представил примерную подпись под фотографией дедушки: «Старшина Звездинов, командир кавалерийского полка – гроза фашистов».

Автобус, на котором можно было доехать до Прикубанской, уходил рано утром. И потому все дела нужно было успеть сделать вечером.

Под кирпичом у порога Мишка нашел ключ, отомкнул дверь и, не заходя в хату, из сеней по двери забрался на чердак. Там было совсем темно. Хата была покрыта камышом. У трубы, сквозь прогнивший камыш, пробивался тонкий пучок лучей заходящего солнца. Осторожно, на четвереньках, чтобы не натолкнуться на что-нибудь в темноте, Мишка пробрался к трубе, стал на боровок и начал расширять отверстие, в которое пробивался свет. Гнилой камыш ломался от малейшего усилия. В нос ударил горьковатый запах прели. Глаза запорошило пылью. Через несколько минут в крыше уже зияла дыра, площадью с квадратный метр. На чердаке посветлело. Протерев глаза подолом рубахи, Мишка стал осматривать чердак. Ему повезло. Сразу возле трубы он нашёл саблю. Правда, половина лезвия была отломлена и отколота с одной стороны белая костяная ручка. Но всё же это была настоящая казачья сабля. Ободрённый успехом, Мишка стал внимательно осматривать чердак. Чего там только не было: старая обувь, сапожные колодки, горшки, деревянная ступа, оконные рамы... Но оружия не попадалось на глаза. И он решил, что нужно искать в самой крыше. Он стал часто, стараясь не пропустить ни одного квадратного дециметра, протыкать крышу обломком найден-

ной сабли. И только один раз сабля упёрлась во что-то металлическое. С замиранием сердца Мишка осторожно раздвинул камыш и вытащил... ржавую кочергу.

После Мишкиных поисков, крыша на бабушкиной хате стала как решето. За испорченную крышу бабушка оттрепала Мишку за уши и потом сама долго плакала навзрыд.

Конечно, ни о каком разговоре о дедушке не могло быть и речи. В знак протеста, Мишка отказался ужинать и забрался спать на печь.

И всё же, не зря в этот раз Мишка побывал в Казачьем.

О ЧЁМ РАССКАЗАЛА ШАТОШИХА

Вечером бабушка вязала шерстяной носок. Клубок чёрной пряжи катался по полу у её ног. Белый котёнок хищно набрасывался на клубок и, катая его вокруг ножки стола, запутывал нитку. Бабушка сердито пнула котёнка. Зализав ушибленное место, котёнок взобрался на печь, свернулся калачиком под боком у Мишки и, мерно бархатно мурлыкая, заснул. Мишка тоже стал дремать. Во дворе незлобиво затыкал бабушкин Тузик. Отворилась дверь, и кто-то вошёл в комнату без стука. Послышался характерный звук поставленной в угол палки.

– Вижу, свет у тебя горит. Дай-ка, думаю, схожу проведу куму.

Мишка слегка отодвинул в сторону полотняную занавеску и посмотрел вниз. В пришедшей он узнал бабу Шатошиху.

– Чего это ты вяжешь себе такие большие носки? – засмеялась гостя. – На вырост что ли?

– Это я не себе, а хозяину своему Андрею вяжу, – сказала бабушка, не отрывая взгляда от спиц. – Сон я вчера видела, будто Тузик больно укусил меня за руку, кровь так и хлещет! А это к тому, что должен кто-то из близких прийти. На прошлой неделе в Сергеевской станице один пришёл домой. А считался без вести пропавшим. Говорят, жил в какой-то Канаде. Ведь он, этот трижды проклятый Гитлер, кого не успел уничтожить, разогнал по всему белому свету. А жена вернувшегося, говорят, перед этим видела точно такой же сон.

– Нет, кума, видно не дожидаться нам с тобою наших ясных соколиков: ни Андрея твоего, ни сыночка моего Ванюшки. Где-то на чужой сторонке теперь уж и косточки их истлели.

– Вы, тетя Нюра, Ивана своего не равняйте с Андреем, – бабушка сняла очки и передником протерла глаза. – Сыночку вашему дорога домой заказана, если он жив. А Андрей мой, если жив остался, обязательно придет. Ему нечего бояться. У него перед людьми совесть чиста.

– Нет уж, Петровна, насчет совести чья б корова мычала, а твоя бы лучше помолчала, – вскипела Шатошиха. – Сколько раз тебе говорить о том, что рассказывал Ванюшка про твоего Андрея?! А мой-то сыночек после полиции в партизанах служил.

– Тетя Нюра, никогда я не поверю, чтобы Андрей пошел на такое дело. Вы говорите, что Ванька партизан. А почему же он тогда с немцами ушел?

– Я ж тебе говорила, что по глупости, по своему недоразумению.

Мишка был поражен услышанным. Оказывается его дедушку обвиняют в чем-то очень страшном, может быть даже в предательстве! Он готов был броситься на Шатошиху с кулаками. А что если она говорит правду?! Мишка решил послушать дальше.

За долгие послевоенные годы соседки, видимо, не впервые ведут такой разговор и потому теперь уже не придают ему большого значения. Они немного помолчали и, как ни в чем не бывало, стали говорить о погоде, о плохих выпасах для коров и о том, какие неприлично короткие юбки носят современные девочки. Это Мишку не интересовало.

– Ой! – вдруг громко вскрикнула бабушка и схватилась за поясницу. – Что-то часто стало в спину стрелять. Надо в понедельник сходить в амбулаторию.

– И-и-х, кума, ты, как совсем молодая, веришь хвершалам. Ничего они в болезнях не понимают. Только и знают, что колоть людей толстыми иглками. Это тебя кто-то сглазил. Сходи лучше завтра к Арсенчихе, она наговорит воды, умоет тебя от сглазу, и сразу все прой-

дет. Это теперь стало так: чуть, что сразу к хвершалу. А раньше обходились и без них. Помню, еще мой дедушка покойный рассказывал (Царство ему небесное! Больше ста лет прожил): стояли они отрядом на Дозорной горе. Большой у них был отряд – пять тысяч казаков. Какой-то турецкий царь собирался на них войной идти. Ждали его со дня на день, Лошадей все время под седлом держали. Командовал всеми ими генерал Елагин. И надо ж было такой беде случиться, что в ту самую пору на казаков чума напала. Что ни день – десятка два гробов строгать приходилось.

Мишка подвинулся ближе к краю и отодвинул занавеску. Бабушка перестала вязать и тоже внимательно слушала. Видимо, про это она слышала впервые.

– А разве у них в отряде не было врачей? – спросила она.

– Ученые лекари может и были, – продолжала Шатошиха, – да только они ничего не могли поделывать с такую напастью. И тут приходит к Елагину генералу пожилой казак и говорит: «Я знаю, как избавиться от этой хворобы. От нее надо откупиться».

– Как это откупиться? – спрашивает генерал.

– А так, – отвечает казак, – отдать ей все самое лучшее и дорогое, что у нас есть: позолоченное оружие, лошадей...

– Постой, постой, – прервал его генерал, – куда ж, по-твоему этот выкуп?

– Известное дело куда, – говорит казак, – в землю зарыть. Хвороба же в землю наших казаков забирает, значит туда и выкуп надо отдавать.

Мишка отбросил занавеску себе на спину и так сильно подался вперед, что едва не свалился с печи.

– Генерал хоть и высокого звания был, – продолжала Шатошиха, – а не погнушался совета простолюдина. Тут же приказал запрячь в свою тачанку, окованную серебром да золотом, тройку лучших лошадей и велел собирать ценности. Нагрузили они полную тачанку. Ради такого дела никто ничего не жалел. Отдавали все: украшения со сбруи, пояса с дорогим набором, кинжалы, сабли с позолоченными ножнами, золотые монеты, кресты... А сам генерал не пожалел свой парадный мундир с золотыми гозырями. Потом казаки выкопали в горе пещеру, завели туда тройку, впряженную в тачанку с дорогой поклажей, вход заложили камнем и засыпали землей. В тот же день вся хворь прекратилась. Вот так-то, кума, раньше без хвершалов обходились, – закончила рассказ Шатошиха.

– Потом они все это забрали? – спросил Мишка с тайною надеждой на отрицательный ответ.

– О-о, да у тебя Петровна, гости, – удивилась Шатошиха. – Значит, не зря тебе кровь снилась. Зачем же забирать? По сей день все там и находится.

В ту минуту Мишка забыл все: о неприятном разговоре с бабушкой и свою неприязнь к Шатошихе, навеянную рассказом Тихоновича. Забыл под влиянием только что услышанного. Он спрыгнул с печи и подошел к старухе.

– Вы знаете, где эта пещера? Смогли бы показать?

– Еще бы не знать, мне дедушка не раз показывал то место. Это, кума, – обратилась Шатошиха уже к бабушке, – если подниматься на Дозорную через Казачьи ворота, то пещера находится слева от дороги перед последней крутинкой. Летом ее не найдешь, а зимою – сама не поверила бы, если б не видела – какой бы ни был глубокий снег, а на том месте, где был вход в пещеру, всегда голая земля.

– А летом можно найти то место? – нетерпеливо спросил Мишка.

– Какой же ты непонятливый! – обиделась старуха. – Я же сказала, что примерное место знаю, а точнее можно найти только зимою.

– Ну хоть зимою покажете?

– Постой, касатик, а зачем это тебе так необходимо знать?

– Понимаете, мы в станице создаем музей и, если забрать все, что там есть...

– Боже вас упаси трогать! – взмолилась Шатошиха. – Иначе вся хворь выйдет наружу.

Заснул Мишка в ту ночь перед самым утром. Ему приснился хороший сон. Будто вход в пещеру он нашел летом и большущей лопатой, такой, какую дворники сгребают снег с тротуаров, быстро расчистил его. Три застоявшихся вороных красавца, нетерпеливо перебирая ногами, радостным ржанием приветствовали своего освободителя. Мишка надел на себя генеральскую черкеску и папаху, к дорожному поясу прицепил с позолоченными ножнами саблю и кинжал, уселся на козлы, взял в руки сплетенные вожжи, на месте развернул тройку и прямо без дорог помчался в станицу. Полуденное солнце тысячами зайчиков играло в тачанке. От быстрой езды и радости у Мишки забивало дыхание. Когда тачанка уже свернула к музею, на козлы вдруг вспрыгнул неизвестно откуда появившийся Санька Мокроусов и, ехидно улыбаясь, начал сталкивать Мишку вниз. Стараясь вложить в удар всю злость и обиду, Мишка наотмашь ударил зазнайку по лицу.

– Ах ты, разбойник! – бабушкиным голосом закричал Санька. – Вставай, автобус проспишь?

Мишка открыл глаза. Над ним склонилась бабушка, держась рукою за окровавленный нос.

Провожать внука до автобусной остановки в этот раз бабушка не пошла. Она лежала на кровати вверх лицом, приложив к переносице тряпку, смоченную в холодной воде.

– Ты не говори никому о том, что тут вчера Шатошиха болтала, – попросила она, когда Мишка уже взялся за деревянную ручку.

Про себя Мишка уже решил, что про тайну старинного клада он расскажет только Наташке, но говорить об этом бабушке он стеснялся. Чтобы не расстраивать бабушку, Мишка вначале сказал, что рассказывать никому не будет, но подумав немного, попросил:

– Можно я Коле Стороженко расскажу? Мы раскапывать не будем. Только посмотрим, где была пещера, и все...

– Да я не о том говорю, – прервала его бабушка. – Про пещеру, по-моему, она все выдумала. Я говорю о дедушке твоём.

– Значит это правда, что он был не за нас!?! – чуть не плача от обиды спросил Мишка.

– Подумай, о чем ты говоришь! – бабушка сняла тряпку с лица и укоризненно посмотрела на внука. – Если слушать Шатошиху, то получается, что все люди были плохими, только ее Ванька хороший. А вот он-то был действительно не за нас. При немцах полицаем у нас служил. Потом зимою куда-то запропастился. С неделю его в хуторе не было, а перед уходом немцев снова появился, собрал манатки и удрал вместе с ними. А уж потом кума сказала мне, что будто Иван ее был в партизанах вместе с дедушкой. И что по вине дедушки все партизаны, кроме Ивана, погибли. В общем лучше никому об этом не говори, а то люди могут подумать, что и вправду так было, а доказать нам нечем. Вот если Андрей сам вернется домой, тогда он заткнет глотку куме.

Шоссейная дорога, по которой Мишка ехал в Прикубанскую, около пятнадцати километров проходит у самого подножья плосковерхой горы Дозорной. На ее вершину по старым промоинам проложено несколько дорог. Самая удобная из них проходила через Казачьи ворота. Мишкин отец работал в совхозе шофером на водовозе. В его обязанности входило снабжение всех совхозных отар водой. Иногда отец брал с собою на работу Мишку. Пробираясь на Загорский участок, они часто проезжали через Казачьи ворота. Знал Мишка и то место на дороге, где начинался последний крутой взгорок, который Шатошиха назвала «крутинкой». В общем, Мишка хорошо знал примерное расположение пещеры. И когда автобус проходил мимо Казачьих ворот, Мишка подумал, что если бы сейчас вдруг пошел снег, пещеру можно было увидеть из окна автобуса.

Первой о пещере Мишка рассказал Наташке и предложил:

– Давай вдвоем раскопаем. Только ты об этом – никому.

– Нет, – засмеялась она, – тайну обещаю сохранить, а копать... И тебе не советую. Тогда ты нам Африканский сап раздобыл, а теперь хочешь чуму притащить в станицу.

Зато Коля принял весть о старинном кладе с восторгом. Друзья поклялись никого не посвящать в свою тайну. Теперь они боялись только одного: как бы их кто-нибудь не опередил, узнав тайну от Шатошихи. И потому стали готовить все необходимое, чтобы приступить к раскопкам при первом же снеге.

НЕУДАЧИ И НОВЫЕ НАДЕЖДЫ

Мишка и Коля теперь, как никогда, ждали наступления снежной зимы. Давно уже были отточены лопаты, отремонтированы крепления лыж, упакованы в целлофановые мешочки сухари и сало. В томительном ожидании прошел ноябрь, близился к концу декабрь... Просыпаясь утром, а иногда ночью, каждый из них бросался к окну в надежде увидеть снег. Но снега все не было. Зима будто решила поиздеваться над друзьями. В самом конце декабря начались по-осеннему холодные дожди. На новогоднюю елку ребята ходили в резиновых сапогах. Не было снега и в начале зимних каникул.

Однажды утром Мишка лежал в постели и с сожалением думал о том, что отдохнуть осталось всего три дня. Кто-то нетерпеливо и настойчиво постучал в дверь. Мишка выглянул в окно. На крыльце стоял Коля. Увидев Мишку, радостно улыбаясь, он призывно замахал рукою. Мишка, не одеваясь, в трусах и майке, сунув босые ноги в галоши, выбежал на крыльцо. Коля схватил его за руку и потащил за дом.

– Смотри! – указал он рукою в сторону Дозорной.

Мишка взглянул и засиял от радости. В лучах восходящего солнца снег казался светлорозовым.

Друзья решили идти на раскопки немедленно. Родители Мишки и Коли были на работе. Мишка оставил на столе записку: «Папа и мама, наш отряд сегодня идет в поход в лес. Приду поздно». Записку примерно такого же содержания оставил дома и Коля.

Друзья торопились и потому шли не по дороге, а напрямую через вспаханные под зиму поля. Раскисшая от недавно прошедших дождей земля за ночь покрылась тонкой мерзлой коркой, и идти вначале было хоть и скользко, но легко. Примерно через час поднявшееся солнце подогрело землю, и ноги стали вязнуть в сырой пашне.

Пришлось выбирать на дорогу и к мосту, через проходящий у подножья Дозорной канал, идти круглым путем. От станицы до моста семь километров. До Казачьих ворот оставалось пройти не более трех, но идти надо было все время в гору. В спешке сборов ни Мишка, ни Коля не успели дома позавтракать. Вспомнили они об этом уже на мосту и решили подкрепиться.

– Может, ночью придется ехать. Запоминай дорогу, – сказал Мишка, расшнуровывая рюкзак. – Сразу от моста надо ехать влево по вон той дороге. И проси, чтобы дали трактор. На автомашине в гору по грязи не поднимешься.

Они давно уже составили такой план: как только откопают пещеру, Коля отправляется в станицу к директору школы просить автомашину или трактор, чтобы перевезти в музей содержимое пещеры, а Мишка с Дружком останутся для охраны. Дружок – Мишкин кутенок из беспородных шариков. Маленький, черный с короткими стоячими ушами и белым пятном на груди. Хвост у Дружка был завит в кольцо и никогда не выправлялся. Острые белые клыки его не закрывались верхней губой и потому казалось, что Дружок постоянно улыбается.

И на мосту друзья не успели подкрепиться. Пока Мишка возился с затянувшимся на шнурке рюкзака узелком, Коля взглянул на вершину горы и с отчаянием закричал:

– Миш, смотри!

– Идем скорее, – сказал Мишка, на ходу надевая рюкзак.

Друзья побежали в гору бегом, лишь изредка переходя на шаг, чтобы успокоить дыхание. Встревожило друзей то, что снег на склоне горы почти весь потаял. Остались лишь небольшие пятна в понижениях, куда не доставали лучи солнца.

И только Дружок не разделял тревоги друзей. Он с радостным тьявканьем убежал вперед, залегал в пожухлой траве, поджидая преследователей. Затем, с нарочитой злостью набрасывался на них и снова убежал вперед, чтобы повторить все сначала.

– Не могу больше бежать, – прерывисто дыша, заявил Коля и осел на мокрую землю. – Да и бесполезно, все равно теперь и там потаял снег.

– А может и не потаял, – неуверенно сказал Мишка. – Там, понимаешь, как ущелье. Давай я один побегу, может застану снег. А ты иди прямо вон на тот кустик, оттуда уже видно все.

Оставив Коле рюкзак, лопату и куртку, Мишка налегке стал быстро карабкаться вверх. Дружок некоторое время стоял в нерешительности, как бы раздумывая: с кем ему быть? Потом, звонко тьявкая, помчался вслед за хозяином.

Напрасно Мишка старался, напрасно тратил силы. Перед крутым взгорком, слева от дороги, где по рассказу Шатошихи должен быть вход в пещеру, снегу не осталось ни грамма. До прихода Коли Мишка успел обследовать весь склон до самой вершины в надежде найти хоть какой-нибудь признак пещеры. Склон был густо испещрен узкими горизонтальными овечьими тропками, между которыми щетинилась порыжевшая зашипанная трава. У самой дороги из-под каменной плиты торчала короткая железная труба. Из неё весёлой струйкой вытекала прозрачная вода. Вода наполняла длинные деревянные корыта, расположенные одно ниже другого. Заполнив верхнее корыто, вода стекала во второе... Пройдя через все пять корыт, ручеёк впадал в небольшой пруд.

Мишка знал, что этот родник называется Казачьим и что, благодаря ему, кошара, находящаяся невдалеке, за косогором, круглогодично обходится без привозной воды.

Когда подошел Коля, они вдвоём обследовали склон – никаких признаков пещеры. Им ничего не оставалось делать, как поехать и идти домой. Сюда они решили не приходить до тех пор, пока не выпадает много снега, и не наступят морозы.

Коля в станице жил второй год. До этого он жил в городе. Дома он не любил и никогда не ел сырое, просоленное свиное сало. Теперь же ему казалось, что нет ничего на свете вкуснее такого сала. Далеко внизу виднелась станица. К западу от неё тянулась широкая тёмная полоса припойменного леса, окаймлённая с юга блестящей полосой Кубани.

– Миш, вот если бы сейчас совершилось какое-нибудь чудо, – сказал Коля, бросая очередную корку от сала Дружку. – Например, проходил бы по этой дороге какой-нибудь старик и указал нам, где пещера. Или была бы у нас волшебная палочка – махнули бы ею и там, где вход, выросло бы дерево...

– Чудик ты! – засмеялся Мишка. – Дерево, знаешь, как трудно корчевать. Если бы мы имели такую палочку, то сделали бы так: махнули и перед нами стоит тачанка с оружием...

Друзья пофантазировали еще немного и собрались идти домой. И тут случилось чудо. Вернее, не чудо, а каприз природы – явление довольно частное в здешних местах. Гора Дозорная возвышается над долиной Кубани на 350 метров и потому часто бывает так, что в долине стоит ясная погода, а вершина горы закрыта облаками и там идёт дождь или снег. Так было и на этот раз. С горы вдруг подул сильный ветер, и вниз по склону пополз густой туман. Крупными хлопьями повалил снег. Ветер усилился. Началась буря. Как обрадовались такой перемене погоды друзья! Они бегали, прыгали, ловили снежинки ртом, кричали «Ура! Ура!» Если бы кто-то со стороны посмотрел в то время на них, мог бы подумать, что видит жителей оленьего севера, которые после долгих лет плена, проведенного в знойной безводной пустыне, вернулись, наконец, в свой милый снежный край.

– Давай, давай вали! – радостно кричал Мишка, потрясая ладонями над головой.

– Сильнее давай, сильнее! – вторил ему Коля.

И снег валил... Через несколько минут все вокруг уже было белым. Теперь уже друзья не сомневались в том, что они без труда найдут то, о чем мечтали долгие дни и ради чего пришли сюда.

Дружок, охваченный всеобщим ликованием, с громким лаем помчался по дороге в сторону вершины горы. Взглянув на него, друзья одновременно увидели слева от дороги на склоне темное пятно. Оно отчетливо выделялось примерно в двадцати шагах правее родника на одном уровне с ним. Схватив лопаты, ребята помчались туда. Непокрытый снегом участок склона по форме напоминал треугольник, обращенный вершиной книзу. Длина его сторон не превышала двух метров.

– Миш, а ведь первым нашел пещеру Дружок, – сказал Коля.

– Я его давно тренирую для пограничников, – хвастливо соврал Мишка. – Он еще не то может!

И в ту минуту Коля искренне поверил ему.

Верхняя часть треугольника упиралась в массивную каменную плиту, внизу чавкала под ногами раскисшая глина, середина проталины была заполнена мокрым песком.

Песок легко поддавался лопате. Вскоре друзья вырыли под камнем довольно глубокую нишу, и в ней стало тесно работать вдвоем. Тогда Мишка, стоя на коленях, продолжал долбить песок, отбрасывая его через плечо назад, а Коля, стоя снаружи, отгребал в сторону. Снег прекратился так же неожиданно, как и начался, появилось солнце.

– Тихо! – прошептал Коля, залезая в нишу. – Кто-то едет по дороге с горы.

– Ложись! – так же шепотом приказал Мишка.

Затаив дыхание, друзья повернулись лицом к выходу и стали наблюдать за дорогой.

Отдыхавший на Мишкиной куртке Дружок, услышав шум приближавшейся подводы, с громким лаем помчался навстречу ей. Захлебываясь от ярости, он стал прыгать перед лошадьми, стараясь схватить их за морды. Подвода была присыпана снегом. Спуск был очень крутой. Заторможенные задние колеса легко скользили по снегу. Мужчина, сидевший на возу, сильно натянул вожжи. Упитанные серые лошади, удерживая воз, приседали на задние ноги, почти касаясь хвостами снега.

Друзья чувствовали, как неизвестно откуда появившаяся вода стала заливать дно открытой ими ниши. Снизу их одежда промокла насквозь. Но ребята, боясь обнаружить себя, лежали не шевелясь. Когда подвода поравнялась с ними и была от них всего в трех метрах, Мишка узнал возницу.

– Это дядя Петя Козликин, – шепнул он в самое ухо Коле. – Он работает на Загорской кошаре. Кажется, не заметил нас.

Но чабан заметил друзей. На ровной площадке у родника он остановил лошадей и, отбиваясь кнутом от бросавшегося на него Дружка, подошел к ним.

– Что это за землекопы здесь объявились? – спросил он, вглядываясь в лица ребят. – Никак сынок Федора Андреевича? – узнал он Мишку. – А ну-ка вылезайте.

Мокрые, измазанные раскисшей глиной, стояли друзья перед чабаном, потупив взоры. В давно продуманном плане они не предусмотрели такой вот непредвиденной встречи и потому не знали, как им теперь поступить и что ему сказать.

– Вы с отцом приехали? – спросил дядя Петя Мишку.

– Нет, сами пришли.

– Понятно. Ну рассказывайте, чем вы тут занимаетесь, — настаивал чабан. – Я жду.

И тут Мишка решил действовать в открытую

– Дайте нам честное пионерское слово, что никому не расскажете об этом.

Дядя Петя, став по-солдатски смирно, торжественным голосом произнес клятву:

– Даю честное слово коммуниста никому не рассказывать о том, что вы здесь ищите зарытую тачанку с позолоченным оружием и прочими ценностями!

Если бы в этот момент Дружок заговорил человеческим голосом или мимо них прошел дикий африканский слон, это не удивило бы друзей так, как осведомленность чабана. Они молча и разочарованно смотрели на дядю Петю. А он, видя их растерянность, продолжал:

– Вы думали, про эту тачанку одни вы знаете? Прошлой зимой с хутора Казачьего сюда приходил целый класс, тоже с лопатами...

– Они нашли пещеру?! – торопливо перебил его Мишка.

– А здесь и нет никакой пещеры. Это там, на Казачьем, какая-то бабка придумала сказку, а вы поверили.

– А почему же здесь снег не лежит, растаивает? – все еще не веря в неудачу, спросил Мишка.

– Да потому, что здесь на поверхность просачивается грунтовая вода, а она теплее снега, вот он и тает в ней. Те школьники с Казачьего постарше вас. Они сами сообразили, что к чему, и не стали зря копать. А вам большущее спасибо за то, что расчистили нам дополнительный источник. Теперь и в самую жару пруд не будет высыхать. Молодцы! Садитесь на подводу. Просушитесь на кошаре и поедem в станицу. Мне нужно туда гостя нашего отвезти и заодно сена в ветлечебницу. В общем, считайте, что вам повезло, горе-археологи.

С помощью дяди Пети ребята с Дружком взобрались на воз. Дядя Петя растормозил колеса и подвода быстро покатила к кошаре. Кошара оказалась совсем рядом. Она стояла в небольшой котловине у самой вершины горы.

– А зачем Шатошихе нужно было придумывать про пещеру? – спросил он у дяди Пети, когда подвода остановилась у дома, где жили чабаны. – Она же старая-престарая. Даже моя бабушка называет её тетей.

– А ты думаешь старые врать не умеют? – засмеялся дядя Петя. – А врут, чтобы получить для себя какую-то выгоду, наврут тебе так складно, что только слушай их!

– Не знаю я ни той бабки, ни её выгоды, хотя уверен, что так просто она не стала бы сочинять сказки. Да вы лучше спросите об этом у Евсеича, Нашего старшого. Он давно живёт в Казачьем и хорошо знает ту бабку.

Василий Евсеевич, пожилой чабан с седыми, по-украински обвисшими усами, встретил Мишку, как старого знакомого. А узнав причину столь необычного визита к ним мальчишек, рассмеялся.

– Ну и мудроватая же эта Шатошиха! Баламутит людей своими баснями, а нам от этого одно разорение, – сказал он, обращаясь к уже немолодому военному с четырьмя маленькими звёздочками на погонах. – Вот такие непоседы, – он кивнул головой в сторону ребят, стоявших у раскалённой докрасна маленькой чугунной печки, – перероют всю гору, негде будет овец пасти.

– Почему же басни, – сказал военный, – я помню, что ещё в войну дедушка Головков рассказывал что-то похожее. Помните?

– Помню. Но только он говорил, будто закопали не тачанку, а вытесанные из камня статуи людей. Раз люди говорят, значит что-то действительно было закопано, – продолжал Евсеевич. – Но это же было очень давно, так давно, что уже никто и не вспоминает об этом. И Шатошиха не вспомнила бы, если бы не одно обстоятельство.

Года три назад в хутор прибыл новый учитель истории. Человек энергичный, любознательный до всего, что касается старины. Отыскал место, где когда-то был пограничный редут, вокруг которого и начал селиться хутор. Он даже снял план этой небольшой каменной крепости. И утверждает, что где-то должен сохраниться подземный ход из крепости к протоке. Все укрепления такого типа, говорит, имели подземные ходы, чтобы, значит, на случай осады, был доступ к пресной воде. В колодцах-то у нас вода солёная. По нему же можно было делать вылазки против осаждающих или в случае необходимости незаметно для противника покинуть крепость. И вот по его расчётам получается, что ход этот проходил под Шатошихиным огоро-

дом. И выходил к протоке как раз там, где у неё сейчас ворота. Владимир Сергеевич – так зовут историка – обратился к Шатошихе с просьбой разрешить им – ему и ученикам – провести в её огороде раскопки, чтобы добраться до подземного хода. Куда там!

– Я, говорит, ни в жизнь не допущу, чтобы в моём огороде хозяйничали чужие люди, да ещё эти красногалстучные пионеры. Боже упаси! Разведают, где что посажено и потом в одночасье, что саранча, обнесут сад и огород.

И чтобы совсем отбить интерес к подземному ходу, рассказала им давно забытую легенду о тачанке. Мол, если уж вам захочется копать, то копайте на горе, там для вас больше интереса будет.

– А что они могли найти в том подземном ходе? – спросил Мишка, – это же просто туннель и всё...

– Не только туннель, – возразил Евсеевич. – Владимир Сергеевич утверждает, что в таких подземельях обычно располагались склады боеприпасов, оружия и прочей военной амуниции.

Улыбаясь, Мишка многозначительно посмотрел на Колю. Тот заговорщически улыбнулся в ответ. Так у друзей, вместо утраченной надежды найти зарытую тачанку, появилась новая – отыскать целые склады боеприпасов и оружия!

– Миш, ты знаешь, где этот подземный ход? – шепотом спросил Коля. Мишка утвердительно кивнул головой.

– А Шатошиха? Она же не разрешит копать...

– Ерунда! Мы её и спрашивать не станем. Там, понимаешь, можно с улицы сделать подкоп так, что она и знать не будет.

– Тогда давай завтра и поедем, пока каникулы.

– Нет, там можно копать только летом, когда бурьян вырастет, а так будет заметно.

И друзья стали с нетерпением ожидать летних каникул.

РАССКАЗ КАПИТАНА

Через полчаса друзья уже ехали на подводе в станицу. Военный сидел с дядей Петей впереди. Мишка и Коля, укрывшись буркой, —сзади. Дружок, свернувшись калачиком, улегся между ними. Посередине на сене лежало старое ярмо для волов, подаренное Евсеевичем для музея. Военный, по званию капитан, был тем самым гостем, о котором говорил дядя Петя еще там, у родника. Из разговоров друзья поняли, что капитан – родственник Евсеевичу. Что он приезжал к нему в гости в Казачий, а вчера с ним на подводе приехал на кошару, где он когда-то жил. Теперь ехал в станицу, чтобы оттуда вечерним автобусом выехать в город.

Лошади споро бежали под гору. Небо над долиной Кубани было чистое. На западе сияло заходящее солнце. На вершине горы, как и утром, искрился снег.

– Как здесь все изменилось! – сказал капитан, оглядывая распаханное поле у подножья горы. – Когда я жил на кошаре, здесь до самой станицы была целина. А за тем вон взгорком лежал сбитый немецкий самолет. Я часто бегал туда, отвинчивал всякие гаечки и срывал цветные проводки...

Мишка и Коля, высунув головы из-под бурки, подвинулись вперед.

– Я слышал, что Евсеевич тебя усыновил, прервал воспоминания капитана дядя Петя. – Расскажи, как это случилось? Капитан прилег на сено, опершись на правый локоть, и начал рассказывать:

– Своих родителей я не помню. Когда началась война, мне было восемь лет. Жил я тогда здесь в Прикубанском детдоме. Перед приходом немцев нас стали эвакуировать. Вывезли на подводах за станицу. Продвигались медленно: дорога была забита подводами, гуртами скота. Вскоре налетел самолет с черными крестами и начал строчить из пулеметов. Сделал над дорогой несколько заходов. Что творилось! Коровы режут. Лошади шарахаются в стороны. Мы пла-

чем... Воспитательница нашей младшей группы, сама еще девчонка, долго потом разыскивала нас в этой кутерьме. Собрала всех, посадила на подводу и поехали дальше. Потом догнали нас танки, и тут началось пострашнее налета: из пушек стреляют, гусеницами давят... Один снаряд попал под заднюю ось нашей подводы. Воспитательницу и всех, кто сидел сзади – насмерть. Я со страху побежал, сам не знаю куда, лишь бы дальше от дороги. Бежал, пока не упал обессиленный. Тут меня и нашел Евсеевич. Они с женою эвакуировали отару овец, но гнали ее не по дороге, а стороною, пасом. Когда я немного успокоился и рассказал, как мог, кто я и как туда попал, они, долго не раздумывая, предложили: «Хочешь с нами жить, Коля?» Что мне оставалось делать? Конечно, я с радостью согласился. Это теперь хутор Казачий присоединили к Прикубанскому совхозу, а до войны там был свой колхоз. Назывался он «Красный ключ». Так вот отара та принадлежала тому колхозу.

– А Евсеевич разве не воевал? – спросил дядя Петя. – У него же нога...

– Хромота эта у него от рождения. Потому его и не брали в армию. Они с Марковной до войны жили на Украине. Оба они детдомовские. Поженились рано. А тут – война. По эвакуации попали в Казачий. Рабочих рук в войну в колхозах не хватало. Эвакуированных и беженцев принимали с радостью. Правление колхоза выделило им дойную корову, выписало муки и прочих продуктов и определило на работу на вот эту самую кошару, где вы сейчас работаете. Только тогда кошара и домик были покрыты соломой, пол в домике земляной. Но для них, после всего пережитого и это казалось раем.

Посоветовались тогда Евсеевич с Марковной и решили незаметно вернуться на свою кошару и там дожидаться возвращения своих. С наступлением темноты мы двинулись в обратный путь. Евсеевич и Марковна гнали овец, а я сидел на подводе, быков погонял. К подводе корова была привязана. Дорог мы избегали, гнали отару полями. На исходе второй ночи благополучно добрались до кошары. И началась наша подпольная жизнь. Евсеевич, хоть и был совсем еще молодым тогда, а рассудил правильно: кошара построена в котловине. С дороги и из хутора ее не видно. И, главное, он твердо верил в то, что немцы долго здесь не задержатся.

Овец мы приучили пастись ночью, а днем ставили отару у родника. В Казачьем знали, что весь колхозный скот угнали в эвакуацию и потому нас никто не искал. Да и кому было искать в этой неразберихе! А Евсеевич сразу же стал думать о зимовке. Летом в 1942 году был небывало хороший урожай. Хлеба и травы уродилось на славу. Весь склон горы и её плоская вершина были покрыты скирдами сена. Но на одной паре быков много не навозишь. И потому Евсеевич на второй день после прибытия на кошару спустился вечером с горы в лес к Кубани в разведку: не бродят ли где бесхозные быки или лошади. И сходил не зря.

Проснулся я утром, смотрю возле дома стоят рослые тощие лошади, запряженные в зеленую военную повозку. К повозке привязана корова и еще одна лошадь под седлом. Сиденье на повозке все в крови. Видимо, и здесь дорогу бомбили. Ездовой погиб, а лошади шарахнулись в лес и мчались до тех пор, пока не запутались вожжами за дерево. Неизвестно, сколько они там простояли. Если бы не Евсеевич, так бы они и подошли в упряжке. А та, что под седлом, паслась возле них. Корова была стельная и сильно хромала на переднюю ногу, потому ее, наверное, и оставили при эвакуации.

С лошадьми дело пошло веселее. Евсеевич верхом объехал окрестные поля и на одном из полевых станов – вот здесь, сразу за горою – обнаружил целые вороха пшеницы, ячменя, овса... Видимо, наши не успели вывезти, а немцы еще не обнаружили. Запаслись мы зерном на всю зиму для себя и для скота. Евсеевич соорудил из двух плоских камней ручную мельницу, раздобыл где-то керосину. Соли-лизунца на кошаре было вдосталь. Родник рядом. В общем, мы могли жить, ни с кем не общаясь.

– Так и дождались своих, никем не замеченные? – спросил дядя Петя. – Интересно.

– Разве Евсеевич вам ничего не рассказывал об этом? – удивлялся капитан.

– Нет еще. Я ведь с ним работаю всего четырнадцатый день. Два из них он пробыл с тобой в Казачьем. До этого я работал на другой кошаре. Евсеевич собирается уходить на пенсию, а я буду вместо него за старшего. Пока присматриваюсь, что тут к чему.

– Незамеченными мы прожили здесь всего несколько дней, – продолжал рассказывать капитан. – Потом пошли немецкие обозы. Обозы шли по дороге, а верховые рыскали по степи в поисках сена, фуража, продуктов. Как-то в полдень заявили и к нам три непрошенных гостя: один офицер и два солдата. Офицер мог говорить по-русски. Обрадовались они такой находке. «Колхоз! Карашо!» – закричал офицер. Поймали они лучшую овцу, связали, вскинули солдату на седло и начал офицер ему по-немецки что-то приказывать. Видимо, чтобы тот пригнал сюда порожнюю подводку за баранами. Своих лошадей и быков с подводами Евсеевич, как только увидел обозы, успел отогнать за гору в Темный лес. Потом, подумав, офицер вернул солдата с овцой и заставил Евсеевича и солдат пропустить отару через «струнку». Сам стоит и считает: айн, цвайн, драйн... Всех пересчитал и, наверное, для круглого счета, пустил в отару и ту, что собирались увозить. Заполнил он какой-то лист с печатью и с фашистской свастикой, вручил его Евсеевичу и говорит: «Теперь вся эта овец мой. Если продай хоть один – расстрелю. Если сохранишь вся, возьму тебя к себе работать. Скоро я здесь на Кубан получу земля». И так это сказал, будто нет большей чести, чем гнуть на него спину. С тем и уехали. Марковна в слезы. «Давай, Вася, бросим все и уедем куда—нибудь подальше. Убьют они нас!» Но Евсеевич настоял на своем: «Никуда мы отсюда не поедem. Его может быть скоро убьют наши. А бумага его нам еще пригодится». И действительно пригодилась. После к нам не раз приезжали немцы и полицаи с Казачьего. Как начнут «хозяйничать» Евсеевич покажет им ту бумагу – сразу на попятный. Видимо, тот офицер был кокою-то важной персоной, то ли герцог, то ли барон.

– А сам он, этот барон, не появлялся больше? – спросил дядя Петя.

– Как же, появился! Он здесь и остался. Вон за тем курганом их зарыли.

– Неужели Евсеевич его прихлопнул? Молодец! – похвалил дядя Петя. – Никогда бы не подумал, что он способен на такое. Спокойный мужик, кажется, и муху не обидит.

Мишка и Коля еще ближе подвинулись к капитану.

– Не забывайте о том, что шла война. А у нее свои законы: кто кого упредит. У Евсеевича на всякий случай была припасена винтовка и патроны. Но не он их убил. «Хозяин» тот прибыл на кошару за десять дней до прихода наших, а за две недели до него к нам пришли настоящие хозяева.

– Бывший председатель колхоза, что ли?

– Да нет, я и сам толком не знаю, кто они были. Наверное, партизаны. Помню, пришли они к нам ночью. Трое их было. Одеты в немецкую форму, а говорили по-русски. «Партизан!» – кричат на Евсеевича.

– Какой же я партизан, – говорит он и показывает им на ту бумагу. – Вот смотрите.

– Один из них прочел бумагу и перевел ее содержание остальным. Они пошептались между собой о чем-то, потом старший спрашивает:

– Вы что же из самой Германии гнали сюда хозяйских овец?

– Из какой там Германии! – вспыхнул Евсеевич. – Наши это колхозные овцы.

Он стал рассказывать о том, как ему, эвакуированному с Украины, поручили уход за отарой, как после неудавшейся эвакуации снова вернулся на свою кошару, как появился новый «хозяин» и вручил ему эту бумагу.

Ночные пришельцы, сидя на лавке, внимательно слушали его. А старший их при этом рассматривал фотографии, висевшие напротив него в одной застекленной рамке. До прихода немцев в этой рамке висел портрет Ленина. Знаешь, есть такой портрет неяркий, вроде карандашного наброска, но художнику удалось точно выразить неповторимо-прозорливый ленин-

ский взгляд, с этакой лукавинкой, будто Ильич хочет сказать: «А что, буржуи, не вышло по-вашему!»

После возвращения из эвакуации, чтобы сохранить портрет, мы с Марковной закрыли его мелкими фотографиями из семейного альбома, разместив их за стеклом перед портретом.

– Кто это у вас там? – вдруг прервал Евсеевича старший, указывая на рамку.

– Родственники, – ответил Евсеевич, даже не взглянув на фотографии.

– А под фотографиями кто? Кто это выглядывает там?

Уж потом Евсеевич рассказывал: «Я как глянул на рамку – обмер от страха: одна фотография опустилась вниз и сквозь узкую щелку видны глаза Ильича. А его взгляд ни с чьим другим не спутаешь».

– Это портрет его дедушки, – ответила Марковна, указывая на мужа.

– А почему вы его прячете?

Старший переглянулся со своими и посоветовал:

– Поправьте фотографию, мне кажется, что этот дедушка не понравился вашему хозяину.

Ну и что вы намерены делать дальше с отарой? – уже серьезно спросил он. – Ведь через 10—15 дней сюда придут советские войска.

– Буду делать то, что делал: сохранять овец, – вызывающе ответил Евсеевич. – Наши придут – спасибо скажут.

– Смелый ты мужик! – удивился старший. – Это для кого же, по твоему советские войска – наши?

– По-моему, и для вас тоже, – он решительно рубанул по воздуху ладонью. В какую бы шкуру ни рядились, как бы ни угрожали оружием, вижу, что вы не предатели. Или, если и споткнулись в чем-то, то еще не до конца потеряли человеческий облик. Помогите мне сохранить овец, и советская власть может простить вам ваши ошибки.

Они с улыбкой переглянулись. Заговорили снова старший:

– Интересно знать, что дало тебе повод так думать о нас?

– Да хотя бы то, что прежде чем зайти в дом, вы обмели сапоги. Немцы и полицаи этого не делают – заходят как в сарай. В общем я считаю, что дедушка этот, – Евсеевич указал на рамку с фотографиями, – наш общий родственник, и потому действовать нам надо заодно.

– Как тебя зовут? – спросил старший.

– Крещен Василием, по батюшке Евсеевич.

– Так вот, Василий Евсеевич, давай раз и навсегда договоримся о том, что не будешь нас спрашивать, кто мы такие и чем занимаемся. Придет время, сами все расскажем. А пока, чем сможем, поможем тебе, но и ты нам должен кое в чем помочь...

После этого они стали появляться у нас каждую ночь. Иногда пригоняли по несколько немецких подвод, груженных оружием, боеприпасами и всяким военным имуществом. Все это увозили в Темный лес и там прятали. Как-то пригнали сотни две овец, а на следующую ночь – сотню коров. Все эти животные трофеи Евсеевич приучил пастись в скирдах на горе, а на водопой гонял их к Обжорному роднику, что недалеко за горою. Сгонял два-три раза, а потом они уже сами ходили туда.

Вначале те действовали втроем, потом у них появился четвертый... Кстати, я и забыл сказать об этом Евсеевичу, – капитан хлопнул себя кулаком по лбу. – Три дня назад я видел, кажется, этого четвертого. Я служу командиром роты охраны заключенных. Сейчас еду в длительную командировку. Когда выезжал из лагеря, навстречу везли новую партию арестантов, и мне показалось, что один из них – он. Понимаешь, у него такое запоминающееся лицо, вернее, не лицо, а нос, похожий на серп, подвешенный ручкой кверху.

– Не может быть такого, чтобы бывший партизан и вдруг преступник, – усомнился дядя Петя.

– Все на свете может быть, только того не может быть, что на свете быть не может, – ответил капитан, видимо, словами какого-то философа. Ведь прошло уже столько лет. Вернусь из командировки, обязательно проверю. И если это действительно тот человек, тогда, может быть, удастся разгадать загадку – узнать, что это были за люди.

– По-моему, тут нет никакой загадки, – сказал дядя Петя. – Судя по твоему рассказу, это были самые настоящие партизаны.

– Так и Евсеевич тогда думал. Действовали они действительно по-партизански: нападали на небольшие обозы, уничтожали фашистов, а подводы, оружие и продовольствие копили для наших.

Однажды ихний старший поделился с Евсеевичем своими планами. «Вчера, говорит, один из русских предателей, перед смертью сообщил нам, что через день-два по этой дороге будут гнать колонну наших пленных. Охрана небольшая. Попытаемся освободить их. Оружие и продовольствие для них у нас на первый случай имеется. Представляете, какая это будет сила? Батальон, может быть, и полк! Тогда мы сможем закрыть не только эту дорогу, но и железную. Взорвем мост через Кубань и ни один состав не пройдет. А пешком они далеко не удержат и, главное, не смогут увезти награбленное. В общем, с сегодняшнего дня нам необходимо установить круглосуточное наблюдение за дорогой. Чтобы не насторожить охрану военнопленных, всякие активные действия мы временно прекратим. Так что, говорит, Василий Евсеевич, если в ближайшие дни мы не будем появляться, не беспокойся о нас, знай: мы выполняем задуманное».

– Загадка состоит в том, – продолжал капитан, – что они вдруг изменили свои планы.

– А может быть, немцы устроили облаву и уничтожили их?..

Капитан – его звали Николаем Васильевичем – отрицательно повертел головой.

– Исключено. В то время фашисты драпали без оглядки, было не до облав. Они боялись, как бы им на Кавказе не устроили второй Сталинград.

Николай Васильевич умолк, задумчиво покусывая стебелек сухой травы.

– Почему вы решили, что партизаны в конце изменили свои планы?

– За день до прихода наших, рано утром, у нас объявился тот кривоносый. Евсеевича не было на кошаре. Он еще ночью уехал на быках на гору за сеном. Кривоносый запряг в повозку лошадей, насыпал в ящик овса, вместе с Марковной они поймали двух упитанных валухов, связали и погрузили на подводу. Марковна помогала ему, думая, что это необходимо им для какого-то дела. «Когда ожидать вас?» – спросила она, когда тот уже взялся за вожжи. «Мы уезжаем в станицу Прочноокопскую, – ответил кривоносый, не глядя на нее. – Как придет хозяин, – немедленно гоните туда весь скот. Это приказ нашего командира». С тем и уехал. Больше мы их и не видели. А через день пришли наши.

– А может быть им было дано такое задание – находиться в тылу у немцев?

– Тогда зачем угонять в немецкий тыл скот? – вопросом на вопрос ответил военный.

Дядя Петя сдвинул на лоб шапку и почесал затылок.

– Да, тут действительно загадка.

– Николай Васильевич, – обратился Мишка к капитану, он запомнил, что так его называл Евсеевич, – расскажите, как убили того немца, который хотел забрать себе колхозных овец.

– Да, да, ты ж не рассказал об этом, – вспомнил и дядя Петя.

– Заявились они к нам, как я уже говорил, за десять дней до прихода наших, – продолжал рассказ Николай Васильевич. – Помню, было это перед заходом солнца. Мы с Евсеевичем управлялись на базу. А те четверо спали у нас в доме, готовились к своей обычной ночной работе. Подъехали они, как и в первый раз, втроем верхами. Офицер увидел Евсеевича и кричит: «Рус, быстро, быстро гони овца вниз Кубана! Мне там земля дают». – «Как же можно по глубокому снегу, без корма гнать овец в такую даль, – пытаться возразить Евсеевич, подмигнув мне и кивком головы указывая на дом. – Не по-хозяйски это. Давайте дождемся весны,

тогда и погоним по зеленой травке». – «Молчит, руссиш швайн! – запищал фашист. – Пока им там будем мало-мало кушайт, – он указал ногойкою на дом, – ти бистера собирай, вместе будем ехайт». Я хоть и маленький был, а сообразил, на что мне намекал Евсеевич. Незаметно шмыгнул в дом и разбудил партизан. Те фашистов и в дом не пустили. У порога разоружили, отвели за косогор и там расстреляли. Офицер тот, видно, был хороший мародер. На седле у него в переметной сумке нашли металлический футляр от немецкого противогаза, до верха наполненный изделиями из золота: кольца, серьги, монеты, часы, браслеты...

– А куда потом все это дели? – спросил Мишка.

– Золото партизаны забрали с собой, сказали, сдадут в фонд государства. А что раньше прятали в Темном лесу: оружие, фургоны, лошадей – Евсеевич передал нашим. Трофейные лошади у нас хорошо отдохнули, поправились. В общем, это был хороший подарок для наших обозников. Взамен солдаты оставили нам десятка два отощавших и раненых лошадей, которые к весне поправились и пригодились колхозу, как находка.

– А я и не знал, что наша кошара имеет такую интересную историю, – сказал дядя Петя. – Теперь я Евсеевичу на дам покоя, пока он не расскажет все до мельчайших подробностей.

– Николай Васильевич, а мы вот здесь, – Мишка указал рукой в сторону Волчьего гая, – нашли скелет человека.

– Это я его нашел, – сказал Коля.

Торопясь и перебивая друг друга, ребята рассказали всю историю о своей страшной находке.

– Вполне возможно, что это кто-то из тех партизан, – сказал Николай Васильевич. – Одеты они были в немецкую форму и пистолеты носили не в кобуре, а за пазухой. Причем пистолеты у них были советские. Евсеевич говорил, что пистолеты системы «ТТ». Я-то тогда еще не разбирался в системах оружия.

– А там недалеко есть землянка, – сказал Мишка.

Коля с удивлением посмотрел на Мишку. Потрясенный находкой человеческого скелета, Мишка тогда забыл рассказать о землянке и потому Коля теперь впервые услышал об этом.

– Помнишь, когда мы играли в лесу и вы с Женей меня долго искали, это я в землянке прятался, – ответил Мишка на немой вопрос Коли. – В ней можно даже жить. Только дверь сгнила и окошко разбито. А внутри сделана как кровать и большой чугунок валяется, такой, как у бабушки Дарьи, в котором она свинье картошку варит, только тот весь разбитый...

– А трубу из тонкого железа там не видел? – спросил капитан.

– Есть труба, но она вся в дырках.

Капитан резко привстав на колени, хлопнул дядю Петю по плечу:

– Точно! Это землянка тех партизан. Помню, у вас на кошаре на колу висел огромный чугунок с прохудившимся дном. Старший ихний увидел его и просит Евсеевича:

– Подари нам эту посудину.

– Он же негожий, – засмеялся Евсеевич, – дно дырявое.

– Нам как раз такой и нужен. Мы из него сделаем отличнейшую буржуйку. Будем отапливать свои хоромы.

А трубу, помню, он смастерил из листа старого кровельного железа.

– Я бы вам, друзья, – обратился капитан к ребятам, – посоветовал вместо розыска несуществующей пещеры, заняться поиском этих партизан. Узнать, что были за люди и какова их дальнейшая судьба. Вот это было бы здорово!

– Как узнать? – отозвался Коля. – Это же было так давно...

– Если хорошо постараться, можно узнать! По-моему, тот, что был у них за старшего, местный житель. Думаю я так потому, что он хорошо знал все пещеры, все тропинки не только в Темном лесу, а по всей окрестности. Обойдите все дворы старожилов в станице и Казачьем,

поспрашивайте, может, кто знает про них. А если тот заключенный с кривым носом окажется действительно тем, за кого я его принимаю, тогда я у него все разузнаю и напишу вам.

Капитан записал фамилии друзей.

ДОСАДНАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ

Было это в самом начале сентября, когда учитель физкультуры на первом своём уроке в четвёртом классе построил класс в одну шеренгу по ранжиру. Мишка оказался третьим слева. Но на левом фланге он стоял всего несколько минут. Несмотря на небольшой рост, Мишка бегал быстрее всех одноклассников, дальше и выше других прыгал, легко клал на лопатки любого мальчишку из своего класса, и потому ребята единогласно избрали его физоргом. А физоргу при построении положено становиться правофланговым.

Мишку уважали все одноклассники, и, если для игры класс делился на две команды, каждый стремился попасть в ту команду, где капитаном был Мишка. Особенно его ловкостью и сноровкой восхищались девчонки. Ему это нравилось, и потому при всяком случае он старался блеснуть перед ними своей удалью.

Однажды на уроке отрабатывали технику метания мяча. Как всегда, у Мишки получалось лучше, чем у других ребят. В конце урока учитель заставил Мишку метнуть ещё несколько раз, чтобы показать остальным, как надо правильно метать. А у Жени Мухиной (все её называли Мухой) метание совсем не получалось. Учитель и её заставил тоже поупражняться, чтобы показать всем, какие она допускает ошибки и почему у неё не получается.

Женя была отличницей и свои неудачи по физкультуре переживала очень болезненно. Мишка же имел пятёрку только по физкультуре. По остальным предметам учился только на тройки, но это его мало беспокоило. Способности у него были хорошие, а плохо учился он просто из-за лени. В четвёртом классе Мишка, на удивление всем, стал получать четвёрки и пятёрки. Мишкины родители такую приятную перемену в отношении сына к учебе понимали по-своему. Они думали, что сын стал лучше учиться только потому, что понял, наконец: знания, полученные в школе, пригодятся ему в дальнейшей жизни. А классный руководитель на классном часе сказал: «Звездинов понял, что нашей стране нужны грамотные, всесторонне развитые люди, способные управлять сложнейшей техникой...» Мальчишки Мишкину успеваемость объясняли желанием стать космонавтом. Но истинную причину, конечно, знал только сам Мишка.

Однажды Мишка, как это часто случалось с ним, забыл решить заданную на дом задачу. Утром он пришел в школу пораньше, чтобы до начала уроков списать у кого-нибудь готовое решение. Так он поступал всегда, когда «забывал» выполнить дома письменное задание. В классе была только Женя Мухина.

– Ты решила задачу? – спросил Мишка, даже не поздоровавшись. – Дай списать, а то Ангелина Георгиевна влепит мне парочку.

– Ее и решать нечего, – сказала Женя, не отрывая взгляда от учебника, – не понимаю, что ты в ней нашел трудного?

– Да я ее и не читал, – чистосердечно сознался Мишка, – совсем забыл про нее.

Женя достала из сумки чистенькую в целлофановой обертке тетрадь, подала Мишке и снова склонилась над учебником.

В этот ранний час в классе, кроме них, еще никого не было. Когда Мишка списал первый вопрос, послышался хлопок закрывшегося учебника и писклявый голос Жени: «Задачи решать – не мячи швырять!».

Мишку будто укололи сзади иголкой. Он резко повернулся и взглянул на Женю.

– Ты думаешь, что я сам не смог бы решить эту задачу?

– Решай, время же еще есть, – Женя старалась подражать тону Ангелины Георгиевны. – Эту задачу, если хорошо подумать, может решить каждый, даже тот, у кого развиты только мышцы, – Женя громко рассмеялась, довольная своим остроумием.

Мишка смял комом ее тетрадь, швырнул ей в лицо и быстро пошел к двери.

– Муха кусачая! – крикнул он с порога и выбежал во двор.

Многое передумал Мишка в то утро, сидя на скамеечке в дальнем углу школьного двора. Вспомнил немало случаев, когда он, вызванный к доске или к карте, не зная урока, беззаботно улыбался, глядя на одноклассников геройским взглядом. «Задачи решать – не мячи швырять», – так, пожалуй, мог сказать ему любой ученик их класса. А он-то думал, что им все гордятся.

«Ты еще увидишь, что у меня развито», – подвел он итог своим раздумьям, мысленно обращаясь к Жене.

Итак, все у Мишки теперь шло хорошо, если бы не одна досадная случайность. Однажды утром Мишка шел в школу. Шел не спеша и о чем-то думал. Вдруг сзади раздался наступающий его злобный звериный рык. Бросив портфель с учебниками – ловкости ему не занимать – в несколько мгновений Мишка оказался на самой вершине толстой акации, росшей у двора Казаковых.

Оправившись от испуга, Мишка посмотрел вниз. На его портфеле стояла белая лохматая болонка, ростом с маленькую кошку. Победно задрав вверх голову и хвост, она, как лайка соболя, облаивала беглеца. Болонку старикам Казаковым привез сын из города для потехи. Жила она у них, как обычная дворняжка, во дворе, и свободно разгуливала по улице. Станичные мальчишки окрестили ее Сявкой. Для них было большим удовольствием дразнить ее, за что Сявка платила им всей силой собачьей ненависти. Увидев мальчишку, она, задыхаясь от ярости, набрасывалась на обидчика. Никто ее не боялся. Мальчишки только смеялись над ее бессильной злобой и дразнили еще больше.

Мишка сконфуженно улыбнулся и стал быстро спускаться вниз, чтобы успеть расправиться с болонкой, пока на улице не появились свидетели его позора. Спрыгнув на землю, он хотел подфутболить Сявку, но та ловко увернулась от удара и скрылась в подворотне. От того, что удар пришелся по пустому месту, Мишка не удержал равновесия и шлепнулся на спину. Конечно, он сразу поднялся и с испугом посмотрел вокруг.

В десяти шагах сзади него он увидел Наташку Гуторову. Оказывается, она шла сзади и видела всю эту комедию. Прижав объемистый портфель с учебником к животу и согнувшись вдвое, Наташка хохотала. Хохотала так, что у нее выступили слезы и она, пытаясь что-то сказать, не могла произнести ни слова. Мишке было не до смеха. «Она расскажет всему классу», – с ужасом подумал он, до боли прикусив нижнюю губу.

– Как ты быстро... От такой малявки... Аж на самую вершину! – вытирая слезы и все еще давясь от смеха, заговорила Наташка.

– Я вовсе не от нее убежал, – оправдывался Мишка, – я думал овчарка Безладных с цепи сорвалась. А эту я вовсе не боюсь.

До школы они шли рядом. Наташка время от времени всхлипывала от смеха. Мишка шел молча, опустив голову.

– Какой же из тебя командир отряда! – снова во весь голос засмеялась Наташка. – При первой же опасности бросишь отряд и убежишь.

Упоминание о командирстве окончательно расстроило Мишку. Дело в том, что члены штаба игры «Зарница» долго не решались допускать к игре четвероклассников по причине их малолетства. Наташка убедила членов штаба в том, что под командованием Звездинова отряд будет играть не хуже пяти- и даже шестиклассников. Отряд допустили к игре. И Мишку выбрали командиром.

– Слышь, Наташ, ты пожалуйста, никому не говори про это, ладно?

Мишка умоляюще посмотрел в глаза Наташки.

– Про что не говорить?

– Ну про это самое... про Сявку.

– О, что ты, конечно не скажу! – поспешила заверить Наташка. – Иначе тебя в отряде никто не станет слушаться.

Мишка облегченно вздохнул. Он еще не знал, что именно с этого момента он и полюбил Наташку. «Она совсем как пацан, ей все можно доверять», – подумал он тогда.

Желания хорошо учиться Мишке хватило ненадолго. К концу второй четверти у него уже стали появляться тройки. И быть бы Мишке к концу учебного года закоренелым троечником, если бы не еще одна случайность.

В конце января в класс на урок природоведения пришла Наташка. Она уселась за свободный стол на среднем ряду, раскрыв тетрадь, приготовилась что-то записывать. Все недоуменно стали оглядываться на нее.

– Наташа решила послушать, как ее пионеры изучают один из интереснейших предметов, – сказал Иван Алексеевич. – Надеюсь, что она останется довольна вашими знаниями. Нука, Туманов, иди расскажи всем, что мы изучали на прошлом уроке.

По классу прокатился негромкий смех. Все заранее знали, что вряд ли Наташка будет довольна ответом второгодника. Первый забияка на переменах, у карты и у доски Лешка оказался самым скромным учеником. Выйдя к карте с беззаботной улыбкой, он стоял молча в ожидании подсказки.

«Сейчас Иван Алексеевич вызовет меня!» – с тревогой подумал Мишка, судорожно листая учебник и пытаясь вспомнить, что было задано на дом. «При Наташке... Не успею... Надо что-то придумать...» – сунув учебник за пазуху, Мишка несмело поднял руку.

– Кто ему поможет? – спросил учитель. – Звездинов желает?

Мишка опустил руку и со страдальческим выражением на лице, жалобным голосом попросил: – Мне что-то плохо... Разрешите выйти?

Не дожидаясь разрешения, для большей убедительности приложив ко рту ладонь, он выбежал из класса. Первым его желанием было быстро выучить урок, вернуться в класс и блеснуть своими знаниями перед Наташкой. Но он никак не мог вспомнить домашнее задание. Тогда Мишка решил до конца урока не появляться в классе. Он медленно пошел по коридору в ту сторону, где висела доска отличников. На месте похищенной им фотографии Наташки уже давно поместили точно такую же. И Мишка на каждой перемене подолгу любовался ею. Теперь ему спешить было некуда, и он впервые обратил внимание на остальные фотографии. Посчитал. Их было двадцать девять. От четвертого класса там была только одна фотография Жени Мухиной. гордо задрав кверху нос, она ехидно улыбалась, будто хотела сказать Мишке: «Задачи решать – не мячи швырять». Мишка щелкнул её пальцем в лоб и показал язык. Потом дважды быстро пробежав взглядом по всем фотографиям, он, радостно хлопнул ладонями, громко вскрикнул: «Его здесь нет!» Его – это Саньки Мокроусова. Мишка подумал, как было бы здорово, если бы его фотография висела рядом с Наташкой. Пристально глядя на снимок Наташки, Мишка тихо спросил её: «Хочешь, Наташа, что бы моя фотография была здесь? Я добьюсь этого! Хочешь?» Мишке показалось, что в знак согласия Наташка слегка кивнула головой.

Это была клятва. И клятву Мишка сдержал, но до осуществления его мечты пройдет целый год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.